

Светлана
АЛЕШИНА

АКУЛА *перо*

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина
Акула пера (сборник)

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Акула пера (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», решила оказать любезность своему дальнему родственнику, согласившись передать сумочку, найденную им возле сбитой машиной Татьяны Самойловой. А через несколько дней была ограблена квартира адвоката Григоровича, уехавшего на юг с семьей. Бумажку с его адресом Ольга видела в сумочке Самойловой. Казалось бы, факт ничем не примечательный, но Бойкова, привыкшая видеть во всем криминал, подозревает, что эти два происшествия, без сомнения, связаны между собой. Ольга с коллегами начинают журналистское расследование, но неожиданно жертва наезда умирает в больнице...

Содержание

Акула пера	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Алешина

Акула пера (сборник)

Акула пера

Глава 1

Настроение у Кружкова было очень даже неплохое, когда на своей новенькой «Ладе» он выруливал на просторный, залитый ночными огнями проспект, намереваясь немедленно ехать домой. Даже легкие угрызения совести и страх наскочить на гаишника не могли сейчас перебороть ту эйфорию и чувство умиления, которые переполняли душу Кружкова.

Умиление было спровоцировано неожиданной встречей с бывшими сокурсниками по политеху, которых Кружков не видел уже лет восемь, а эйфория являлась следствием изрядной порции пива, с этими сокурсниками выпитого.

Столкнулись они нос к носу возле прилавка нового автомагазина, куда Кружков завернул просто так, без особой нужды – его машина бегала пока отлично и не требовала ремонта. Теперь-то Кружков догадывался, что судьба просто послала ему приятный сюрприз. Не загляни он в этот магазин, так, возможно, и еще восемь лет не увиделся бы ни с Гришкой Рогозиным, ни со Славкой Бортко. Судьба иногда подбрасывает сюрпризы, но она же и разводит нас в разные стороны – решительно и бесповоротно.

Они окончили институт в знаменательном восемьдесят пятом году, когда вся налаженная и устоявшаяся жизнь пошла наперекосяк. До этого момента будущее представлялось широкой накатанной дорогой: в кармане лежал диплом инженера; впереди ждала нескорая, но гарантированная карьера; надежное место на военном заводе, так называемом «почтовом ящике», найденное, разумеется, по блату; небольшая, но стабильная зарплата. Кружков до сих пор помнил, с каким энтузиазмом и воодушевлением отмечали они выпускной – дали, как говорится, шороху.

Но потом наступили суровые будни. В стране все перевернулось вверх дном. О стабильности и гарантиях можно было только мечтать. Каждый должен был сам позаботиться о себе, если хотел выжить. «Почтовые ящики» вдруг стали никому не нужны. Инженерам никто не хотел платить зарплату. Вчерашние выпускники – кто посмелее и поэнергичнее – ринулись в опасное море бизнеса. Что с кем случилось через десять лет – об этом Кружков даже не задумывался. Своих забот был полон рот.

Ему самому, можно сказать, повезло. После нескольких лет мытарств по случайным и непрестижным работам Кружкову удалось устроиться в одну торговую фирму. С тех пор дела его пошли на лад – можно сказать, он нашел свое место в жизни. Разобравшись в секретах торгового бизнеса, Кружков сумел вырасти в своей фирме до начальника отдела, поменял старую двухкомнатную квартиру на трехкомнатную в престижном районе и, наконец, обзавелся машиной – о лучшей карьере и мечтать было нельзя.

О друзьях, с которыми заканчивал институт, Кружков вспоминал все реже и реже. Пути их не пересекались: у Кружкова создавалось впечатление, что все сокурсники давно покинули родной город и он остался здесь один.

Поэтому встреча в автомагазине явилась для него полной неожиданностью. Он был застигнут врасплох и оказался не способен повлиять на дальнейшие события. Всю инициативу захватил в свои руки Гришка Рогозин, балагур и весельчак. Он заматерел, прибавил лишних килограммов двадцать весу, но повадки у него остались все те же. Не позволив Кружкову даже

рта раскрыть, он тут же организовал что-то вроде встречи выпускников со всеми вытекающими последствиями.

Правда, пили они только пиво, но зато его было вдоволь. Дело происходило в большом, прекрасно оборудованном гараже Рогозина, куда они отправились после магазина. Гришка, оказывается, жил в Ленинском районе, в огромном подковообразном доме, и здесь же, в пяти минутах езды, располагался его гараж, построенный в непосредственной близости от котельной – так что, кажется, от котельной и отапливался.

Кружков подозревал, что Рогозин вполне мог отсиживаться в таком гараже во время семейных конфликтов. Правда, о семейной жизни они говорили мало, все больше вспоминая веселые студенческие деньки и товарищей, разлетевшихся по белу свету.

Они болтали, перебивая друг друга, хохоча и подогревая себя пивом. Глядя на раскрасневшиеся, неуловимо изменившиеся лица приятелей, отпуская немудреные шутки, Кружков снова на короткое время почувствовал себя студентом, молодым и полным надежд. Ему было очень весело.

Правда, отхлебывая из бутылки пенящееся пиво, хлопая по плечам друзей и предаваясь воспоминаниям, Кружков испытывал то и дело немного странное ощущение «дежа вю» – будто все это он где-то видел: запотевшие пивные бутылки, мордастых обнимающихся мужиков и белозубые улыбки. Не хватало только назидательного голоса за кадром: «Надо чаще встречаться!»

Постепенно из разговоров выяснилось, что Гришка Рогозин преуспел в этой жизни даже больше Кружкова: у него была маленькая, но своя посредническая контора. Что-то связанное с цветными металлами. Славка Бортко, имевший исключительные математические способности, был при нем кем-то вроде бухгалтера. Когда веселье достигло наивысшего градуса, Рогозин даже предложил Кружкову бросить свою фирму и переходить к нему. «Через год на «Мерседесе» ездить будешь!» – уверенно заявил он.

Кружков, несмотря на легкое опьянение и владевшие им сентиментальные чувства, повел себя осторожно, обещая подумать. В принципе, он не склонен был к авантюрам, поэтому слова Рогозина не воспринял слишком всерьез, тем более что сам Гришка ездил отнюдь не на «Мерседесе».

Тем не менее визитную карточку приятеля он с благодарностью сунул в свой бумажник и выразил надежду, что следующий раз они встретятся не через восемь лет, а гораздо раньше.

За приятными воспоминаниями время летит необыкновенно быстро, и, когда друзья решили, что пора расставаться, на улице уже была поздняя ночь. Все трое были слегка смущены: впереди всем троим предстояло еще объясняться с женами, а ведь известно, как низко ценят жены мужскую дружбу.

Кружкова вдобавок беспокоило, как он доберется до дому. Чувствовал он себя нормально, машиной вполне мог управлять, да и движение на улицах было не то что днем, но встреча с милицейским патрулем могла закончиться весьма плачевно, и это портило Кружкову все впечатление.

«Тебя учить, что ли, надо?» – покровительственно произнес Рогозин, выслушав сетования приятеля, и небрежно сунул в его нагрудный карман хрустящую сторублевку: «Вложишь в права этот документ – и никакой инспектор не страшен! Главное, не сбей по дороге старушку и будь вежлив!» Кружков хотел было от сотни отказаться, но Рогозин настоял, давая понять, что для него это сущая мелочь, и Кружков, у которого в карманах к тому времени было пусто, оставил деньги у себя.

Потом они долго жали друг другу руки и опять хлопали друг друга по плечам, клятвенно обещая в скором времени встретиться, и наконец расстались, Рогозин запер гараж, и они с Бортко отправились по домам пешком, а Кружков с легким сердцем завел свою «Ладу» и покатил в центр города.

Жизнь на улицах замирала, даже бдительные инспектора отправились уже отдыхать, и Кружков без помех гнал машину по широкому проспекту, уверенно крутя баранку и вновь переживая в душе самые яркие моменты трогательной встречи с однокашниками. Чувствовал он себя прекрасно.

А потом начались неприятности. Сначала Кружков машинально не туда свернул. Вместо того чтобы ехать по мосту, перекинутому через железнодорожные пути, он повернул направо и поехал за вокзал, туда, где находился автомагазин – тот самый, где он встретил приятелей. Наверное, сыграл свою роль стереотип, засевший в мозгу Кружкова, – все его мысли сейчас так или иначе вертелись вокруг этого магазина, да вдобавок хмель притупил реакцию. Проехав метров двести, Кружков все-таки сообразил, что забрался не туда, но разворачиваться не стал, решив, что свернет в город дальше, миновав небольшой туннель, соединявший заводской район с остальным миром.

Но прежде нужно было проехать еще несколько кварталов и возле аккумуляторного завода повернуть налево, к железной дороге. Задача совсем не сложная даже для водителя, голова которого затуманена сантиментами и пивными парами. Ночные светофоры призывно мигали желтым глазом, в лучах фар ровной лентой раскручивался асфальт, и впереди не было никаких препятствий. Но тут пиво сыграло с Кружковым злую шутку. Собственно, он уже давно начал испытывать некоторое беспокойство, связанное с чрезмерным поступлением жидкости в организм, но рассчитывал потерпеть до дома. Однако, подъезжая к заводу аккумуляторов, Кружков понял, что до теплого туалета не дотянет. Нужно было решать проблему немедленно.

Кружков был человеком культурным и даже, пожалуй, стеснительным. Справлять нужду на большой дороге, на виду у всех, его нельзя было заставить даже под пистолетом. И то, сколько свидетелей вокруг, не имело никакого значения. Знай Кружков, что за ним наблюдает хоть один человек, уже одно это заставило бы его сгорать от стыда. Поэтому он решил свернуть в какой-нибудь переулок и подыскать местечко поукромнее. Так вот и получилось, что возле завода Кружков свернул не налево, а направо и оказался на какой-то темной улочке, названия которой он даже не знал.

И здесь ему не сразу удалось остановиться – сначала навстречу попалась какая-то загулявшая компания, потом слева возник ярко освещенный двор заводской медсанчасти – и во дворе происходило какое-то движение, потом еще что-то, пока наконец Кружков не заехал в совсем темный угол, поросший густым кустарником. Асфальт здесь уже кончался, дальше улица превращалась в сплошные кочки и колдобины, тянувшиеся в гору мимо спящих одноэтажных домов с палисадниками. Кружков, поставив машину на обочине, вылез наружу и, воровато оглядываясь, побежал в кусты.

Сделав свое дело, он воспрял духом и, облегченно вздохнув, благодушно огляделся по сторонам. Погруженная во тьму улица была тиха и пустынна. В черном небе сияли крупные звезды. Внизу слышался характерный шум железной дороги и горели огни прожекторов. Чуть в стороне светились отдельные окна в здании медсанчасти.

Неожиданно до Кружкова донесся слабый стон. Вздрыгнув, он замер и настороженно прислушался. Через некоторое время стон повторился, а потом слабый женский голос пробормотал: «Помогите!»

Кожа на спине Кружкова покрылась мурашками, а хмель моментально улетучился из головы. Перепуганный не на шутку, он неуверенно шагнул в ту сторону, откуда доносился голос.

В стороне от обочины под запыленным кустом акации на земле лежала женщина. Было слишком темно, и, даже присев на корточки, Кружков не смог рассмотреть ее лица. Он только смутно различил безвольно раскинувшееся рыхлое тело и бледное пятно, пересеченное упавшей прядью волос.

«Пьяная?» – мелькнуло в голове у Кружкова, но голос женщины, звучавший слабо и жалобно, принадлежал тем не менее абсолютно трезвому человеку. «Помогите! – пробормотала она снова. – Я умираю». Кружков боязливо дотронулся до теплого мягкого плеча и почему-то шепотом спросил:

– Что с вами случилось?

Неожиданно он почувствовал, что пальцы его стали мокрыми и липкими. Он поднес ладонь почти к самым глазам и увидел, что она испачкана чем-то темным. Ему сделалось нехорошо.

Неуклюже обтирая ладонь о траву, Кружков попятился назад – как и сидел, на корточках. Только споткнувшись о камень и едва не упав, он сообразил подняться на ноги и опрометью бросился к машине. Дрожащими руками он завел мотор и развернул «Ладу» так, чтобы свет фар падал прямо на то место, где лежала женщина. Потом, открыв предусмотрительно дверь, Кружков опять приблизился к пострадавшей.

Теперь он мог рассмотреть ее как следует. Женщина лежала на правом боку, неестественно прогнувшись и бессильно уткнувшись лицом в траву. Ее лицо, руки и ноги, едва прикрытые задравшейся юбкой, были испачканы кровью. Бледное лицо было искажено страданием, и трудно было сказать, сколько женщине лет, – но, судя по расплывшейся фигуре и морщинам на шее, она была не первой молодости. Рядом валялась сумочка на длинном ремешке.

Кружков опять наклонился к раненой и попытался узнать, что произошло. С огромным трудом женщина проговорила сквозь зубы: «Машина...» – и закрыла глаза. Кружков растерялся. Он лихорадочно начал припоминать, что следует делать в подобных случаях. В голову ничего не приходило, кроме элементарной мысли, что женщину нужно срочно доставить в больницу. Однако от волнения Кружков никак не мог вспомнить, где находится ближайшая больница.

Наконец он решил, что вспомнит это по дороге, а пока нужно погрузить женщину в машину. Сумочка под ногами мешала ему, и Кружков отнес ее в машину и бросил на переднее сиденье.

Потом он попытался поднять пострадавшую, ухватив ее под мышки, но женщина отреагировала таким воплем боли, что Кружков сразу же отказался от своих намерений, тем более что сразу понял – такую тяжесть ему в одиночку не осилить.

Ему показалось, что женщина умирает. На самом деле она просто потеряла сознание, но Кружков об этом не догадывался и пришел в ужас. Он впервые в жизни так близко сталкивался со смертью, и ему сделалось страшно и жутко.

Он вскочил на ноги и начал панически озираться, надеясь увидеть где-нибудь хоть одну живую душу, которая могла бы поддержать его в эту трудную минуту. Но глухая улочка будто вымерла, а железная дорога и вокзал, где сейчас было полно народу, находились слишком далеко.

Неожиданно взгляд Кружкова упал на освещенный фонарями двор медсанчасти. Хлопнув себя по лбу, Кружков уничтожающе прошептал: «Идиот!» – и опять бросился к женщине.

Наклонившись над ней, но стараясь не всматриваться в страшноватые черты, Кружков наскоро проговорил: «Я сейчас! Я мигом! Потерпите еще чуть-чуть!» – проговорив это не столько для женщины, сколько для собственного успокоения, – и побежал к машине.

Прыгнув за руль, он развернулся и покатиł вниз, пока не доехал до ворот медсанчасти. При этом он не переставал удивляться собственной тупости: больница была под самым его носом, а он об этом начисто забыл! С него бы сталоь отвезти раненую на другой конец города, сумей он затащить ее на заднее сиденье!

Ворота больницы были закрыты, и Кружкову пришлось покинуть машину. Он вошел в калитку и бегом пересек гулкий пустынный двор. Найдя дверь с табличкой «Приемный покой», Кружков позвонил.

Ему долго не отпирали, и он начал уже нервничать, беспокойно оглядываясь на темневшие в отдалении заросли кустарника, за которыми лежала нуждающаяся в помощи женщина. Кружкову казалось, что он даже слышит ее стоны. Наконец загремели засовы, послышалось сердитое бормотание, и дверь распахнулась. Кружков увидел перед собой миловидную, но слегка заспанную девушку в белом халате. Наспех надетая белая шапочка сидела на ее пышных каштановых волосах чуть криво. Девушка смотрела на Кружкова сердито, но безо всякого страха.

– Вам чего, мужчина? – спросила она.

Кружков сбивчиво и не слишком понятно обрисовал ситуацию. Девушка закатила глаза к небу и сказала со вздохом:

– Господи, только этого еще не хватало! Дорожно-транспортное!.. Ну, давайте, где у вас больная?

– Женщина там, на дороге... – хмуро повторил Кружков. – Мне ее одному не поднять... И вообще, там, наверное, носилки нужны!

Теперь, когда ему было с кем разделить ответственность, он приободрился и даже начал сердиться на непонятливую медсестру, или кто она там.

– Носилки! – опять закатила глаза девушка. – И кто же будет таскать эти носилки – я, что ли? Ну ладно, проходите, объясните все Николаю Григорьевичу, пусть он решает...

Она повела Кружкова какими-то полутемными коридорами и вдруг, потянув носом, неодобрительно заметила:

– Вы, мужчина, выпивши, что ли? Наверное, это вы ее и сбили?

Вот тут уж Кружков испугался по-настоящему. До него наконец дошло, в какую двусмысленную ситуацию он попал. Ему смутно припомнилось, что дорожно-транспортное происшествие требует непременно присутствия милиции, и здесь уж при таком скоплении народа сотней не отделаться. Вполне можно остаться без прав, если не чего-нибудь похуже. Невольно Кружков посмотрел на свои руки – они были испачканы засохшей кровью.

– Что вы такое говорите? – испуганно запротестовал он. – Никого я не сбивал! С чего вы взяли?

Девушка не ответила и ввела Кружкова в небольшую освещенную комнату, где стояли письменный стол, несколько стульев и жесткая кушетка, покрытая белой простыней. За столом сидел крупный широкоплечий мужчина в белом халате, надетом, кажется, прямо на голое тело. Видны были мощная волосатая грудь и могучие руки, тоже покрытые до локтей густыми курчавыми волосами. Вероятно, это был дежурный врач.

Он курил и равнодушно разглядывал вошедших. На его усталом грубоватом лице не отражалось абсолютно никаких эмоций.

– Николай Григорьевич! – бойко отрапортовала девушка. – Вот этот мужчина сбил где-то тут женщину. Что будем делать?

Врач вынул изо рта сигарету и внушительно произнес:

– Женщине, безусловно, будем оказывать помощь. Мужчину передадим властям... Где пострадавшая?

– Послушайте! – волнуясь, заговорил Кружков. – Никого я не сбивал! Я ехал мимо, остановился... В общем, я тут ни при чем, понимаете? А женщина лежит на дороге, там, где я ее нашел, ее как-то нужно сюда доставить. Одному мне не справиться. У вас есть санитарная машина?

– Ночью у нас нет санитарной машины, – заявил врач. – Мы не «Скорая». Но ведь у вас есть, кажется, машина?

Кружков молча кивнул. Врач тоже кивнул, раздавил в пепельнице окурок и распорядился:

– Анечка, золотко, разбуди Аллу Петровну и скажи, пусть готовит операционную! А ты открой нам ворота, каталочку и, пожалуй, позвони ноль-два... Хотя нет, сначала посмотрим, что там такое... – Он посмотрел на Кружкова и строго сказал: – Ну что, пойдете?

– Да, конечно, – пробормотал Кружков, настроение которого становилось с каждой минутой все хуже.

Все дальнейшее вспоминалось ему точно в тумане. На машине они доехали с врачом до места происшествия, перенесли женщину на заднее сиденье и вернулись обратно. Ворота были уже открыты, и они беспрепятственно доехали до приемного отделения, где женщину положили на каталку и куда-то увезли.

Кружков испытывал огромное желание удрать, но врожденная порядочность не позволила ему этого сделать, да и окончательно проснувшаяся Аня взяла его в оборот. Усадив Кружкова на покрытой простыней кушетке, она устроила ему настоящий допрос, потому что ей нужно было заполнить паспортную часть истории болезни.

Кружков ничего о сбитой женщине не знал, а о дамской сумочке, которая валялась где-то в машине, начисто забыл, поэтому допрос был настоящим мучением для обоих. Николай Григорьевич больше не показывался, зато неожиданно приехала милиция, и тут Кружкову пришлось уже совсем туго.

Он так неуверенно и неубедительно объяснял причины, приведшие его ночью в этот район города, что ему самому сделалось противно. Работник ГИБДД, снимавший показания, то и дело сокрушенно покачивал головой. Когда же проба на алкоголь, взятая у Кружкова, показала положительный результат, он понял, что его дела совсем плохи.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы милиционеры не решили дожидаться врача. Даже поверхностный осмотр кружковской «Лады» не убедил их. Хотя на капоте машины не обнаружилось никаких подозрительных следов, стражи порядка стали разговаривать с Кружковым все суше и даже намекали, что ночевать дома ему уже не придется.

А потом случилось то, что измученный Кружков принял стгоряча за чудо. Появился усталый после операции Николай Григорьевич и, равнодушно поздоровавшись с представителями закона, расположился в жестком кресле со стаканом крепкого чая в одной руке и с сигаретой – в другой.

– Перелом левой бедренной кости, – ни к кому не обращаясь, сообщил он. – Перелом правого запястья, вывих правого плечевого сустава... Плюс три-четыре ребра. Естественно, множественные ссадины и ушибы... Сотрясение головного мозга... Перед операцией потерпевшая мне сказала, что ее сбил грузовик... Наверное, это вас интересует, правда? А поскольку вишневая «Лада» товарища, – тут он сделал плавный жест сигаретой в сторону Кружкова, – на грузовик явно не тянет, он здесь, скорее всего, ни при чем...

Кружков тут же преисполнился к этому суровому человеку огромной признательностью, ему захотелось броситься на волосатую грудь и расцеловать ее владельца. Но милиция отнеслась к заявлению врача без энтузиазма.

– Это мы еще выясним, – пообещал старший лейтенант, который был, очевидно, за главного, – кто при чем... А как состояние пострадавшей? Она... будет жить?

– Полагаю, что да, – веско ответил Николай Григорьевич. – Конечно, возраст... шок... Но характер повреждений позволяет надеяться на благополучный исход. Хотя лечение займет довольно продолжительный период времени...

– Ну что ж, лечите, доктор! – разрешил старший лейтенант, поднимаясь. – А мы, пожалуй, пойдём. Нужно еще взглянуть на место происшествия. Вот гражданин Кружков нас проводит... Если, конечно, он в состоянии... – милиционер скептически оглядел понурюю фигуру Кружкова.

– Я в состоянии! – угрюмо сообщил Кружков, у которого, и правда, кроме запаха никаких последствий от пирушки уже не сохранилось.

– Тогда вперед! – распорядился старлей.

Глава 2

– И что же было дальше? – сочувственно спросила я у Кружкова.

Его исповедь я слушала в редакции у себя в кабинете. В окно светило утреннее солнце, и его лучи падали Кружкову на лицо, отчего он болезненно щурился, но упорно не желал пересечь на другое место.

Выглядел Кружков неважно – был он весь серый и какой-то помятый. Вокруг глаз темнели круги. Вряд ли пиво было тому причиной, просто он всю ночь не спал, нервничал да, как я подозреваю, имел крупный разговор со своей супругой.

Людмилу Кружкову я знала с детских лет, она доводилась мне дальней родственницей, и характер у нее был почти нордический. Она не прощала мужу даже небольших ошибок – представляю, что творилось, когда Людмила узнала о ночных приключениях супруга. Мне стало жалко Кружкова почти до слез.

– А что дальше? – уныло сказал он. – Ну, посмотрели они там... Ничего не нашли, естественно... Отобрали у меня права, а машину отогнали на штрафную площадку... Хорошо еще, старлей сжалился, подбросил меня до дома... Ну а что Людмила вытворяла – наверное, сама догадываешься... – он безнадежно махнул рукой.

Я догадывалась. Только мне никак не удавалось понять, зачем Кружков явился ко мне, вместо того чтобы идти на работу.

– На работу я позвонил, – сказал Кружков, словно угадав мои мысли. – Сказал, что заболел... Не говорить же, что всю ночь объяснялся с милицией!

– И все-таки, Никита, – осторожно начала я. – Никак я не пойму, почему ты решил все это мне выложить?... Конечно, мы не чужие, и я тебе от души сочувствую, но, думаю, заявился ты неспроста, верно ведь? Надеешься, что я помогу тебе вернуть права?

– Ну что ты, Ольга! – испугался Кружков. – Я никогда бы не стал обращаться к тебе с подобной просьбой! Я же знаю, что с милицией у тебя отношения сложные.

Здесь он был абсолютно прав: газета «Свидетель», главным редактором которой я работаю, публикует материалы исключительно криминального характера. А где преступления, там и сыщики – иногда даже совсем наоборот. Поэтому «сложные отношения» – это еще мягко сказано. Отдельные представители закона меня терпеть не могут.

– Тогда что? – поинтересовалась я. – Может, ты стесняешься забрать машину со штрафной площадки?

– Да нет, уже забрал, – признался Кружков. – Я на ней все утро езжу. Правда, без прав, но что делать?..

– Ты с ума сошел, Никита! – укоризненно сказала я. – Мало тебе неприятностей!

– Нет, неприятностей хоть отбавляй! Людка рычит, как тигрица, за машину пришлось выложить кругленькую сумму, за права придется заплатить раз в десять больше, а мы недавно только диван новый купили, представляешь?

– Представляю, – сказала я. – Мягкий? Нужно будет как-нибудь заскочить к вам, посидеть на новом диване...

– Ага, заскакивай! – радостно подхватил Кружков. – Может, прямо сегодня заглянешь? Людку повидашь...

– А-а, так ты меня в качестве громоотвода планируешь! – догадалась я.

– Да ты что! – замахал руками Кружков. – И в мыслях не было! Я от чистого сердца... Тем более что главная гроза уже разразилась, теперь так, отдаленные раскаты... Нет, у меня к тебе другая просьба...

– Любопытно, – заметила я. – Может, ты хочешь, чтобы я поместила в газете материал о ночном наезде? Но тогда придется предать гласности не вполне корректное твое поведение... Хотя, в итоге, ты совершил поступок безусловно благородный, не спорю.

– Ольга! – простонал Кружков. – Ты издеваешься, что ли? Какой благородный поступок? Какая газета? Вот где у меня сидит этот благородный поступок! – Он постучал ребром ладони по шее. – Гори он синим пламенем!

– Тогда я вообще ничего не понимаю! – недоуменно сказала я. – Чего же ты хочешь?

Взгляд Кружкова сделался заискивающим.

– Понимаешь, у меня к тебе ма-а-аленькая просьба! – просюсюкал он. – Малюсенькая! Ты можешь вернуть этой женщине ее сумочку?

– Какой женщине? – не сразу поняла я. – Какую сумочку?

– Ну этой, которая в больнице! – сказал Кружков. – Помнишь, я нашел рядом с ней сумочку? Помнишь? Ну вот, а я забыл – начисто! От испуга, наверное. Она под сиденье завалялась. Так и пролежала там всю ночь. Сегодня утром нашел, когда кровь в салоне оттирал.

– Вот здравствуйте! – возмутилась я. – Ты нашел, а я возвращай! С какой стати?

– Ну, понимаешь... – замялся Кружков. – Не могу я больше их видеть... Ни ментов этих, ни врачей, никого, в общем. Стресс у меня, понимаешь? Кино есть такое – «На грани безумия» называется... Вот и я сейчас на этой грани. А ты женщина волевая, авторитетная – что тебе стоит?

– У меня, Никита, между прочим, свои дела есть, – напомнила я. – И потом, подумай, как я глупо буду выглядеть с этой сумкой! А если там что-то пропало? Меня спросят: где взяла, и что я скажу?

– Так и скажешь, что я тебе передал, – льстиво произнес Кружков. – Да ничего там не пропало, не бойся! Деньги на месте, документы, барахло все. Отдашь ее хозяйке... – Он отвел глаза в сторону и добавил: – А если она, не дай бог, померла – в милицию отнесешь.

– Еще лучше! – рассердилась я. – Ты пиво пил, а у меня похмелье? Ты представляешь, что ты говоришь? Не пойду я ни в какую милицию! У этой женщины наверняка есть родственники – нужно разыскать их и передать сумку. Только разбирайся с этим сам, пожалуйста. Мне некогда. А у тебя не стресс, голубчик, а элементарное безволие! Боишься, что тебе опять неприятные вопросы начнут задавать.

– Ну и боюсь! – согласился Кружков. – Тем более что я уже сегодня пытался вернуть сумку.

Я вопросительно на него уставилась.

– Ну да! – подтвердил Кружков. – Машину я забрал со стоянки рано утром. Потом поехал в гараж, мыть салон. Нашел сумку. Все вспомнил и решил сразу вернуть. Посмотрел в паспорте адрес и поехал туда. Думал, хозяйка не одна живет. Ан нет! Соседи сказали – одинокая.

– Одинокая – не одинокая, – вмешалась я, – какие-то родственники у нее должны быть.

– Возможно, – сказал Кружков. – Только соседи не знают. Говорят, замкнутый она человек. Ни к ней никто, ни она...

– Ничего себе – замкнутый, – заметила я. – Куда же она, замкнутая, в ночь поперлась? Да еще за вокзал, на гору! Туда и днем-то никто без нужды не ходит!

– Это все верно, – сказал Кружков. – Только по этому поводу у меня никаких сведений не было. Поэтому я дальше поехал по тому адресу, что в сумочке у нее нашел.

– Ты нашел у нее какой-то адрес? – удивилась я.

– Ага, – кивнул Кружков. – На листке бумаги. В кармашке лежал. Я его наизусть выучил: улица Леонова, дом семьдесят семь, квартира двадцать четыре.

– А фамилия? – спросила я.

– Какая фамилия?

– Ну, при адресе обычно присутствует фамилия, – сказала я.

– Не было никакой фамилии, – возразил Кружков. – То есть фамилия была – на почтовом ящике, в том доме на Леонова, я специально посмотрел. Григорович А. Л. Правда, в квартире никого не было, пришлось к соседям позвонить. Я думал, может, на работе этого Григоровича разыщу. Но оказалось, что эти Григоровичи рано утром на юг подались всей семьей. Вот такие дела.

– Остается вернуть сумочку хозяйке лично, – заключила я.

Кружков посмотрел на меня с надеждой. Я решительно замотала головой.

– Ну, Оленька! – взмолился Кружков. – Ну что тебе стоит! У тебя и права есть, и характер, авторитет... Заскочишь на минутку в больницу, и все дела! Ну, я тебя умоляю!

Я посмотрела в его тоскующие глаза и махнула рукой.

– Ладно, уговорил! Трус несчастный! Оставляй свою сумочку. Но, предупреждаю, если у меня возникнут с ней проблемы, я тебя найду!

Лицо Кружкова просияло. Он живо наклонился и поднял с пола стоявший там кейс. Положив его на колени, Кружков весело щелкнул замками и откинул крышку.

– Вот она. Все на месте – тютелька в тютельку! – заботливо объяснил он. – Я и бумажку с адресом обратно в кармашек сунул. Тебе ее только отдать из рук в руки – и все дела. Может, еще вознаграждение получишь! – с довольной улыбкой пошутил он.

– Гора с плеч? – ехидно спросила я.

Кружков покорно развел руками. Он действительно немного устал от неприятностей.

Выпроводив его, я занялась сумочкой. Вообще-то шарить в чужих вещах неприлично, но должна же я была знать, как зовут их хозяйку. Потрошить все сверху донизу я не собиралась.

Сумочка была довольно симпатичной, но порядком истрепанной. Сработанная где-то в далекой Турции, в полукустарной мастерской, она была сшита из тонкой непрочной кожи, которая миглом протирается на сгибах. Такая продукция быстро теряет товарный вид и вынуждает купившего ее горько пожалеть о выброшенных деньгах. Единственным утешением остается то, что это сравнительно небольшие деньги.

Я расстегнула застежку-«молнию» и произвела беглый осмотр содержимого. Ничего особенного: кошелек, помада, расческа, зеркальце – все как обычно. В кармашке позвякивали ключи от квартиры. Если бы у Кружкова хватило духу, он мог бы запросто оставить сумочку в квартире хозяйки. Он на это не решился и поступил, разумеется, совершенно правильно.

Отдельно лежал паспорт в упругой пластиковой обложке, на которой был вытеснен пышный имперский орел с двумя головами. Уголки у пластиковой обложки были отделаны тусклым желтым металлом.

Я раскрыла паспорт – он был старого образца, еще советский. Владелица, похоже, не торопилась его менять. Наверное, ей уже некуда было спешить – судя по дате рождения, женщине оставалось три года до пенсии.

С фотографии на меня смотрело сосредоточенное некрасивое лицо, слишком широкое и слишком скуластое для женщины. Короткие стриженные, выкрашенные до черноты волосы не делали это лицо симпатичным – скорее, наоборот. Но особенно неприятны были глаза – маленькие, подозрительные, слишком близко посаженные. Даже с фотографии они выглядели так въедливо, что заставляли невольно поеживаться.

Мне подумалось, что хозяйка паспорта – из тех женщин, что с удовольствием затевают скандалы в общественном транспорте и на рынках, всегда и всюду доказывая свою правоту. Ничего удивительного, что она живет одна. Такие женщины обычно быстро отправляют мужа на погост – и хорошо, если только одного. Я начинала понимать нерешительность Кружкова.

Конечно, было немного стыдно так думать о женщине, которая сейчас, возможно, испытывала невыносимые муки, тем более что все это могло оказаться лишь плодом моей буйной фантазии, а незнакомка на самом деле является образцом женственности, душевным и безобидным существом.

Чтобы отвлечься от неудачной фотографии, я пролистала паспорт. Женщину звали Татьяной Михайловной, фамилия ее была Самойлова. Судя по документу, замужем она не была. Жила на улице Садовой, в доме номер двадцать четыре. Я мысленно представила, где этот дом находится, и невольно опять удивилась, что заставило Татьяну Михайловну тащиться ночью через весь город, да еще не в самый благополучный район.

Кружков упоминал о том, что в сумочке были какие-то деньги. Я не удержалась от любопытства и проверила кошелек. Деньги действительно имелись, но совсем небольшие – чуть больше пятидесяти рублей. Хотя, если бы речь шла об ограблении, забрали бы и их.

Сложив все вещи обратно, я закрыла сумочку и стала решать, что делать дальше. Мне совсем не хотелось начинать день с посещения больницы, но, зная свой характер, я понимала, что откладывать это посещение не имеет смысла, тем более что Кружкова я уже обнадежила. Лучше было разделаться с этим раз и навсегда.

В столе нашелся пустой пакет, я завернула в него чужую сумку и вышла из кабинета. В приемной моя секретарша Марина сосредоточенно трудилась за компьютером. По утробным электронным звукам, даже не глядя на экран, можно было догадаться, что речь идет об очередной компьютерной игре. Что поделаешь – лето, мертвый сезон. Даже криминалитет расслабляется на фоне летней жары, не желая поставлять свежий материал для нашей газеты.

– Мариночка, я убываю по личному делу, – сообщила я. – Вернусь в самом обозримом будущем. Если появятся посетители или громкие сенсации, пусть ждут.

– Принято к сведению! – отрапортовала Маринка и, крутанувшись на вращающемся кресле, с любопытством уставилась на меня. – Личные дела – это для женщины самое главное. А они какие личные? Очень личные или просто личные? – Подтекст вопроса был мне понятен. Очень личные дела были слабым местом Маринки. Она пришла к нам в редакцию совсем молоденькой и наивной выпускницей романо-германского отделения филфака с возвышенными и несколько книжными представлениями о любви и личной жизни. С тех пор утекло довольно много воды. Маринка превратилась в эффектную молодую женщину, чей опыт обогатился бесчисленными романами, по большей части неудачными. Причиной были все те же мечты о возвышенном, которые в Маринкином случае трансформировались в поиски идеального мужчины. Проблема эта стара как мир и неразрешима, как строительство вечного двигателя, но Маринка не отчаивалась и продолжала свои поиски.

Между нами установились по-настоящему дружеские отношения, и мы постоянно делились друг с другом подробностями личной жизни, хотя следует откровенно признать, с некоторых пор мне стало казаться, что на фоне Маринки у меня вовсе нет никакой личной жизни. Порой я чувствовала себя рядом с ней настоящей монашкой. Поэтому и сейчас мне ничего не оставалось, как признать, что эти личные дела претендуют на звание таковых с большой натяжкой.

Маринка была заметно разочарована.

– Я-то думала, что здесь замешан мужчина! – с неудовольствием заметила она. – Так бы и сказала – просто дела.

– Мужчина здесь замешан безусловно, – возразила я. – Ты его только что видела. Но не в том смысле, который ты подразумеваешь. Он просто заварил небольшую кашу, которую вежливо попросил за него расхлебать. Поскольку он в некотором роде доводится мне родственником, пришлось любезно согласиться.

– Какая-то некрасивая история? – деловито осведомилась Маринка. – Речь идет о супружеской неверности?

– Скорее о наезде, – сказала я. – История действительно некрасивая, но к моему родственнику имеющая лишь косвенное отношение. В общем, я уезжаю, но ненадолго, – с этими словами я покинула редакцию.

Летнее утро уже было в самом разгаре. Я вела свою «Ладу» по залитым солнцем улицам и думала о чем угодно, только не о несчастной Татьяне Михайловне. Вдоль тротуаров на деревьях зеленела сочная листва, сверкали витрины магазинов, девушки в легких платьицах ели на ходу мороженое, проносились разноцветные автомобили – в общем, жизнь была ключом. Хотелось мечтать о золотых пляжах, лазурных водах, о личной жизни, наконец.

Доехав до района вокзала, я через туннель пересекла линию железной дороги и свернула к заводу аккумуляторов. Огибая территорию завода, я невольно улыбнулась, вспомнив, как накануне ночью мучился здесь Никита. Наверное, ему не понравилась бы моя улыбка, но что делать – мне тоже не очень нравилось поручение, которое он на меня повесил.

Ворота медсанчасти были открыты, и я без помех доехала до главного входа. Возле широкого крыльца несколько человек в синих рабочих халатах грузили в санитарный фургон туго набитые клеенчатые мешки – похоже, это было грязное белье.

Я заперла машину и, прихватив с собой пакет, вошла в прохладный пустой вестибюль. За деревянным барьером торчали рядами ничем не заполненные вешалки для одежды. Пожилая нянечка со шваброй в руках неторопливо мыла мраморный пол. Никакой охраны поблизости не наблюдалось.

Пройдя через вестибюль, я прямо за дверью обнаружила окошечко регистратуры и заинтересовалась, как мне найти пациентку Самойлову, пострадавшую ночью в автокатастрофе. Меня отправили в травматологическое отделение, объяснив, как найти туда дорогу.

В отделении тоже никаких сложностей не возникло. Первым мне попался высокий молодой человек в белом халате. У него были уверенные движения и приятная улыбка. На мой вопрос, можно ли увидеть Самойлову, он весело ответил:

– Невозможного для нас ничего нет! Конечно, мы увидим с вами Самойлову! Тем более что именно я – ее лечащий врач. Позвольте представиться: Александр Михайлович! Но вы можете звать меня запросто Сашей. Как вас больше устраивает?

– Ну, с врачами я предпочитаю держаться официально, – смеясь, ответила я. – Поэтому выбираю Александра Михайловича. А что, Самойлова чувствует себя нормально?

– Вполне! – заверил меня жизнерадостный врач. – Настолько нормально, насколько это определение вообще применимо к человеку, попавшему под машину. А вы – родственница Самойловой?

– Откровенно говоря, нет, – сказала я. – Даже не знакомая. Просто меня попросили кое-что ей передать. Это возможно?

– Я же сказал – ничего невозможного для нас нет! – воскликнул Александр Михайлович. – Пойдемте, я вас провожу, а то персонал может вас развернуть без халата...

– А это ничего, что без халата? – забеспокоилась я.

– Беру грех на душу! – весело сказал врач.

Он повел меня в конец длинного белого коридора, оживленно болтая на ходу.

– Вы сегодня не первая, кто интересуется Самойловой, – сообщил он. – Уже побывали из милиции, и с работы коллеги заглядывали... Между прочим, милиция на этот раз не ударила в грязь лицом! Того бедолагу, что сбил нашу пациентку, уже нашли. Хотя, строго говоря, сделать это было совсем не трудно. Им оказался шофер с третьей автобазы... забыл фамилию! Ну, это не важно! Бедняга принял вчера на грудь, показалось мало – недолго думая, сел за руль и поехал за добавкой. Он тут рядом живет... Однако переоценил свои силы: после Самойловой он проехал всего ничего и где-то у железной дороги въехал в столб. После чего спокойно заснул прямо в кабине. Утром он, естественно, ничего не мог вспомнить, но милиционер говорил, что его вина будет доказана несомненно: на капоте обнаружены следы крови... Прошу вас, вот в эту дверь!

Мы вошли в просторную светлую палату. Возле стены стояла железная кровать с какими-то диковинными приспособлениями и противовесами. На кровати лежала фигура, отдаленно

напоминающая женскую, вся в бинтах и гипсе. Левая нога ее и правая рука находились на вытяжении и щетинились стальными иглами. Лицо тоже было наполовину забинтовано, но один глаз – живой и испуганный – внимательно наблюдал за происходящим, давая понять, что женщина находится если не в полном здравии, то уж по крайней мере в ясном сознании.

– Вот, Татьяна Михайловна, опять привел к вам гостя! – провозгласил врач, подходя к изголовью и кладя руку на спинку кровати. – Вы, наверное, сегодня уже устали от гостей?

– Устала! – чистосердечно призналась больная. В голосе ее отчетливо слышалось раздражение. – А это кто ж такая? Что-то не могу припомнить. Из милиции, что ли? – Черный глаз с тревогой уставился на меня.

– Думаю, что не из милиции, – успокоил ее Александр Михайлович. – Кстати, а вы ведь так и не сказали, как вас зовут, – с мягким упреком обратился он ко мне. – А мне, между прочим, это тоже интересно!

– Ольга Юрьевна Бойкова, – представилась я. – Но это неважно. Я, собственно, тут случайно. Меня просили передать вам сумочку, Татьяна Михайловна! Человек, который нашел, и вот... – Я развернула пакет и, достав сумку, вопросительно взглянула на врача. – Куда ее можно положить?

Он не успел ответить. Здоровая рука Татьяны Михайловны взметнулась над одеялом и буквально вырвала у меня сумочку. Мне показалось, что лицо женщины в этот момент резко побледнело. Я слегка испугалась.

– Вам нехорошо? – спросила я участливо.

– Чего уж хорошего, – дрожащими губами пробормотала Самойлова, – когда твои вещи таскает кто ни попадя!

Александр Михайлович выразительно посмотрел на меня и еле заметно покачал головой, давая понять, что бурная реакция пациентки его удивляет.

– Да вы не беспокойтесь, – рассудительно заметила я. – Ничего не пропало. Можете хоть сейчас проверить!

– И вообще, давайте проверим содержимое сумочки и определим ее в камеру хранения, – предложил Александр Михайлович. – Или передадим ее кому-нибудь из родственников...

– Нет у меня никаких родственников! – враждебно заявила Самойлова. – А какие есть – я им рубля не доверю! А сумочка пускай при мне лежит! У меня здесь своя тумбочка положена? Вот пускай там и находится!

Александр Михайлович развел руками.

– Вообще-то тумбочка для другого предназначена, – заметил он. – Ну да бог с ним! Только, чур, к нам никаких претензий, Татьяна Михайловна! Мы вас лечим, но вещи ваши охранять некому, понимаете?

– Сама сохраню, – упрямо заявила больная. – А мне еще долго лежать, доктор?

– Я уже говорил: травма серьезная, – скучным голосом сказал Александр Михайлович. – Загадывать не берусь, но на два месяца настраивайтесь железно!

Самойлова разочарованно пожевала губами, и ее единственный глаз подозрительно сверкнул в мою сторону. Она все-таки не утерпела и спросила:

– Ты, девушка, этого человека хорошо знаешь, который в сумочке-то шарил?

Подтекст вопроса был ясен. Татьяне Михайловне очень хотелось знать, заглядывала ли я в эту проклятую сумку, – просто она стеснялась спросить об этом напрямую. Меня все это начинало уже раздражать, но злиться на больного человека было глупо и некрасиво. Поэтому я как можно спокойнее сказала:

– Никто в вашей сумочке не шарил, ни я, ни тот человек. Между прочим, если бы не он, кто знает, что с вами бы случилось... И зачем ему ваша сумочка – он человек положительный, зарабатывает хорошо...

– Те, которые зарабатывают, они до денег особенно жадные, – глубокомысленно заметила Самойлова, но тут же спохватилась: – Я не про того товарища, конечно, а вообще... Ему-то моя глубокая благодарность! Как и доктору, который операцию производил. Ночью тут другой доктор был – серьезный мужчина...

Это уже был, кажется, камешек в огород Александра Михайловича. Но он, ничуть не смутившись, сказал:

– Это верно, Николай Григорьевич у нас – ас! Вам, Татьяна Михайловна, повезло!

– Как утопленнику! – саркастически отозвалась больная.

– Не преувеличивайте, не преувеличивайте, Татьяна Михайловна! – сказал, посмеиваясь, доктор и, как бы невзначай подхватив меня под руку, повел к выходу.

Самойлова смотрела нам вслед колючим глазом, прижимая к одеялу свою драгоценную сумочку.

В коридоре Александр Михайлович с большой неохотой отпустил мою руку и, показав глазами на дверь палаты, с улыбкой заметил:

– Ничего себе экземпляр, да? Сейчас это еще цветочки... Представляю, что будет, когда она пойдет на поправку! Заметили, какой у нее взгляд? Одним глазом за два смотрит! Будем надеяться, что из ее торбы ничего не пропало, а то она нас всех со света сживет.

– Вполне возможно, – серьезно заметила я. – Поэтому я немедленно удаляюсь. Всего хорошего! Было очень приятно познакомиться.

Александр Михайлович посмотрел на меня с сожалением и сказал:

– Заходите еще! Как говорится, милости просим! Может быть, захотите еще что-нибудь передать гражданке Самойловой...

– Спасибо! – засмеялась я. – Как говорится в известном фильме, уж лучше вы к нам! Меня сюда больше калачом не заманишь!

И я ушла из больницы в полной уверенности, что теперь не появлюсь здесь по крайней мере в ближайшие лет десять. Вообще-то на интуицию я не жалуюсь, но в этот раз она явно не сработала. И десяти дней не прошло, как мне опять пришлось заглянуть к Александру Михайловичу.

Глава 3

В большом городе преступления совершаются ежедневно. Дня не проходит, чтобы кого-нибудь не ограбили, не избили, не угнали пяток машин, на худой конец, не расколотили бы зеркальную витрину в модном магазине. Я не говорю уже о карманных кражах в трамваях и на продуктовых рынках – это происходит постоянно.

На одном перечислении милицейских сводок можно набрать целую газетную полосу. Но если вы думаете, что газета «Свидетель» идет именно по такому пути, то вы глубоко ошибаетесь. Нашу газету интересуют не те заурядные... преступления, которые совершаются на каждом шагу по известной схеме: «украл – выпил – в тюрьму», а настоящие сенсации, способные держать читателя в напряжении то время, которое проходит от выхода одного номера газеты до другого. Сами понимаете, на события подобного рода существует определенный дефицит, а именно от них зависит тираж и репутация газеты. Поэтому приходится лезть из кожи, пытаясь разнюхать какой-нибудь сногшибательный материал, а когда это не удается, вся редакция приходит в уныние – газету заполнять нечем, читатель отворачивается, тиражи падают. Впору хоть самой выходить на большую дорогу.

Нечто подобное происходило и в те дни, которые последовали за нелепым происшествием, случившимся с мужем моей дальней родственницы. Озабоченная выпуском очередного номера газеты, я уже почти забыла о нем, как вдруг Кружков сам позвонил мне на работу.

– Привет! – сказал он. – Как поживаешь? У тебя еще не пропало желание посидеть на нашем новом диване?

– Привет! – ответила я. – Честно говоря, мне сейчас не до дивана. И поживаю я не то чтобы очень – вся в работе. А ты, судя по голосу, чувствуешь себя отлично?

Кружков довольно усмехнулся в трубку.

– Ну, вообще-то, отлично – это чересчур! Но уже гораздо лучше. Правда, Людка все еще ворчит, но в основном все уладилось. Права я забрал, так что все в порядке. Вспоминаю ту ночь как страшный сон... Кстати, я что звоню? Ты вернула сумочку этой недотепе?

– Нет, я оставила ее себе! – язвительно заметила я. – Дурацкий вопрос! Разумеется, я ее вернула.

– Ну, слава богу! – с облегчением сказал Кружков. – А то эта позиция не давала мне покоя... Теперь можно считать, все расставлено по своим местам... Надеюсь, дамочка тебя отблагодарила?

– Как бы не так! – возразила я. – Она явно была уверена, что я собиралась ее обчистить. Вывала сумочку у меня из рук и даже спасибо не сказала.

– Вот она, людская неблагодарность! – скорбно произнес Кружков. – Делай после этого добрые дела! Я, кстати, справлялся в милиции – говорят, типа, совершившего наезд нашли уже на следующий день.

– Я знаю. Только, скорее, он сам нашелся, – ответила я.

– Ну, это неважно, – беззаботно сказал Кружков. – Главное, что преступник не остался безнаказанным... А вообще, беда беду тянет.

– Ты о себе? – спросила я.

– Нет, я опять об этой, – сказал Кружков. – Как ее – Самойлова, что ли? Помнишь тот адрес, который я нашел у нее в сумочке?

– Смутно, – призналась я. – А что такое с этим адресом?

– Ну, как не помнишь? – обиделся Кружков. – Я туда еще утром мотался – без прав, между прочим! Улица Леонова, там еще некий Григорович значился – на почтовом ящике... Ну вспомнила?

– Да что ты пристал? – возмутилась я. – Зачем я буду помнить каких-то Григоровичей?

– Не каких-то, – назидательно произнес Кружков. – Между прочим, этот Григорович Арнольд Львович – довольно известный в городе адвокат. Удивляюсь, как я сразу не сообразил!

– Да, я слышала про такого, – подтвердила я. – Встречаться, правда, не приходилось. А что такое?

– Ограбили этого Григоровича! – захлебываясь, объявил Кружков. – Представляешь?

– Неужели? – сдержанно удивилась я. – Но, мне кажется, ты вроде говорил, будто Григорович уехал с семьей отдыхать на юг? Его на юге ограбили?

– Квартиру его ограбили! – воскликнул Кружков. – Ту самую – улица Леонова, дом семьдесят семь, квартира двадцать четыре. Он – на юг, а воры – в квартиру. Видишь, как оно бывает? Сначала его знакомую или родственницу – черт ее знает – сбивает машина, а потом его самого грабят! Вот я и говорю: пришла беда, отворяй ворота!

– А ты откуда об этом знаешь? – с некоторой ревностью спросила я.

– Да уж не из твоей газеты! – поддел меня Кружков, но тут же старательно растолковал: – На работе мужики говорили... Один там у нас хорошо этого Григоровича знает, вот он и рассказывал. Пощипали его, говорят, знатно! Сама понимаешь, адвокаты – народ небедный...

– Когда же это случилось? – поинтересовалась я.

– Два дня назад. Григорович уже, говорят, вернулся с югов, теперь рвет волосы на голове. Хотя, кажется, он лысый...

– Да, печальная история! – констатировала я. – Только с чего ты взял, что Григорович и Самойлова родственники? По-моему, это твоя фантазия. С чего бы она стала таскать с собой адрес родственника? Я, например, твой адрес помню назубок.

– А может, у нее склероз, – беззаботно заметил Кружков. – Да я так просто, к слову. Наверное, у нее к нему дело было, а он на юг уехал. Вот она с горя под машину и бросилась.

– Ты уже совсем заврался! – сказала я сердито. – Между прочим, рабочий день в разгаре.

– А у меня начальник уехал, – объяснил Кружков. – Так я не понял, ты к нам заглянешь?

– Как-нибудь загляну, – пообещала я. – Вот посвободней буду и загляну обязательно.

– Ну, будем ждать! – сказал Кружков. – Будь здорова!

Он повесил трубку. Невольно в моей памяти опять возникла сцена в больничной палате: вся переломанная Татьяна Михайловна с неожиданной прытью вырывает у меня из рук сумочку. Что-то смущало меня в этой сцене. Как-то по-дурацки она выглядела. Человек, можно сказать, только выскользнул из лап смерти, а трясется из-за грошового имущества.

Хотя это как посмотреть. Мне рассуждать легко, а, может быть, для Самойловой и пятьдесят рублей большие деньги. Ну, и паспорт, конечно. Потерять паспорт – удовольствие ниже среднего. И все-таки Татьяна Михайловна могла бы держать себя поделикатнее с человеком, который совершил благородный поступок.

Но, с другой стороны, она даже не удосужилась проверить, все ли вещи на месте. Только настойчиво интересовалась, не рылись ли в ее сумочке. Если она такая мнительная, что могло значить для нее мое слово?

«В общем, странная женщина», – заключила я. Есть в ней что-то неприятное, даже отталкивающее. Обычно больные вызывают к себе сочувствие, а здесь ничего даже похожего – одна неловкость.

Собственно говоря, мне не было решительно никакого дела до Татьяны Михайловны, но странным образом я никак не могла выбросить ее из головы. Я снова и снова вспоминала ее голос, въедливый цепкий взгляд и одутловатую руку, сжимающую старенькую сумку, точно это было бесценное сокровище.

Наверное, сработала привычка искать повсюду следы преступления. Эта привычка с годами въелась в мои плоть и кровь, так что я уже почти свыклась с ней, почти не замечая. То же самое, вероятно, испытывают следователи и оперативники, которым постоянно приходится сталкиваться с темной стороной человеческой натуры.

Вот и мне почему-то казалось, что в лице Татьяны Михайловны я столкнулась с чем-то темным, а может быть, даже опасным. Никакой логики в этом не было, я просто так чувствовала.

Конечно, Татьяна Михайловна была жертвой, но вокруг нее словно клубилось какое-то тревожное облако – наезд грузовика, ночная прогулка на другой конец города, адрес адвоката в сумочке, ограбление этого самого адвоката...

Чем больше я обо всем этом думала, тем сильнее разбирало меня любопытство. И я ничего не могла с собой поделать – мне зачем-то во что бы то ни стало захотелось получить ответ на все эти вопросы: какое дело у Татьяны Михайловны к известному адвокату, куда она шла поздней ночью, и точно ли виноват тот несчастный пьяница, отправившийся в роковой час за добавкой?

Возможно, все эти вопросы были притянуты за уши и все объяснялось самым банальным образом, но я поняла, что мне не будет покоя, пока я не разузнаю все подробнейшим образом. А если тут действительно кроется какая-то загадка, то можно будет прикинуть, нельзя ли извлечь из нее пользу для нашей газеты.

Прежде всего я решила навестить Григоровича – он каким-то образом был связан с Татьяной Михайловной и, видимо, пострадал от грабителей. В каком-то смысле готовый материал для криминальной хроники.

Предупредив Марину, что уезжаю на неопределенное время, я села в машину и покатила на улицу Леонова. Я вовсе не была уверена, что мне удастся пообщаться с Григоровичем. Многие адвокатов в городе я знала, но именно с Григоровичем не встречалась ни разу. И момент, надо признать, был не самый располагающий к общению с папарацци. Меня могли попросту выставить за дверь. Что ж, таков профессиональный риск.

Адвокат жил в новом девятиэтажном доме, на первом этаже которого размещался косметический салон. Я поднялась на лифте до четвертого этажа и позвонила в дверь двадцать четвертой квартиры.

Открыли мне не сразу, и у меня было время рассмотреть дверь. Она была сделана из стального листа, с отделкой под дерево. Никаких следов взлома я не заметила. Правда, дверь могли уже отремонтировать.

Наконец щелкнул замок, и на пороге появился представительный мужчина лет пятидесяти пяти, в щеголеватом малиновом пиджаке и наглаженных черных брюках. У него было холеное, гладко выбритое лицо с крупным носом и высоким лбом, плавно переходящим в сверкающую лысину. Галстука на мужчине не было, зато на шее был повязан платок – на мой взгляд, с целью скрыть морщины.

Держался мужчина уверенно, по-хозяйски, но его серые навывкате глаза смотрели на меня подозрительно и настороженно.

– Арнольд Львович? – спросила я.

Мужчина наклонил голову и сухо сказал:

– К вашим услугам. Что вам угодно?

– Ольга Юрьевна Бойкова, – представилась я. – Газета «Свидетель». Мне хотелось бы с вами побеседовать.

На лице Григоровича появилось оскорбленное выражение.

– Помилуйте! – вскричал он. – Побеседовать! Только этого мне сейчас и не хватало! Что за странные фантазии? Неужели нельзя хотя бы на минуточку оставить человека в покое?!

– Простите, – сдержанно сказала я. – Понимаю, что вам сейчас не до меня. Но что делаешь – такая уж профессия! О журналистах вспоминают, только когда захочется почитать газету.

– Между прочим, я не читаю газет! – ядовито сообщил Григорович. – И, будь моя воля, я запретил бы их категорически и бесповоротно! Можете обижаться на меня, уважаемая, но я бы именно так и сделал! Помойная яма – вот что такое ваши газеты!

– Чем же мы вам так насолили? – поинтересовалась я.

– Да при чем тут я! – возмутился Григорович. – Я не читаю газет – ни при каких обстоятельствах! Но от вас страдает общество! Вы ежедневно выливаете на него такой ушат грязи...

– Скажите, а вы так агрессивно настроены только по отношению к газетам или вас не удовлетворяют средства информации в целом? – деловито спросила я.

Адвокат нервно поправил шейный платок.

– Вы имеете в виду телевидение? – мрачно спросил он. – Ну, это вообще за пределами здравого смысла. Если нашей цивилизации суждено погибнуть, то именно телевидение будет тому виной!

– Простите, но вот лично вы откуда-то же черпаете информацию? – сказала я. – Как вам удается обходиться без средств массовой информации?

Григорович посмотрел на меня с превосходством.

– Существует целый ряд специальных изданий, бюллетеней, – назидательно пояснил он. – В конце концов, конфиденциальные источники...

– Согласитесь, широкие массы не имеют доступа к конфиденциальным источникам, – заметила я. – Но они тоже имеют право на информацию.

– Лучше бы они его не имели! – проворчал адвокат. – Эти постоянные дискуссии о правах только дезориентируют общество и вносят в него элемент иррациональности.

– Странно это слышать от человека, который является в некотором роде защитником этих прав, – сказала я.

– Господи, о чем вы говорите! – воскликнул Григорович, всплескивая руками. – Вообще, вам не кажется странной эта дискуссия на пороге?

– Так пригласите меня в дом! – резонно возразила я.

Адвокат впился в меня озадаченным взглядом, будто только что увидел.

– М-да? Ну что ж, заходите, пожалуй... – произнес он с сомнением. – Но, учтите, я ничего вам не обещаю! Никакого вторжения в личную жизнь! Все, что я могу вам позволить, – это выслушать мое мнение относительно прессы. Если это вас устраивает – милости прошу! Приготовить вам кофе? – последнюю фразу он произнес безо всякого перехода, старомодно-учтивым тоном, отчего она приобрела несколько комический оттенок.

– Нет, спасибо! – сказала я, проходя в квартиру. – С меня достаточно того, что вы согласились продолжить диалог.

– Что? – растерялся Григорович. – Ах, вы имеете в виду... Но тут вы ошибаетесь, уверяю вас!.. Проходите, пожалуйста, сюда, – он ввел меня в просторную уютную гостиную. – Присаживайтесь! Нет-нет, никакого диалога не будет! Просто, питая естественную слабость к хорошеньким женщинам, я не мог вас вот так просто выставить за порог. Но удовлетворить ваше профессиональное любопытство я не намерен, прошу меня извинить!

Пока он говорил, я рассматривала комнату. Откровенно говоря, никаких следов ограбления я тут не заметила. Дорогая мебель стояла на своих местах, и вообще кругом царил идеальный порядок.

– Если вы не хотите со мной беседовать, все-таки гуманнее было бы не приглашать меня в дом, – с улыбкой заметила я. – Правда, я сама напросилась. Но это уж, как вы справедливо изволили выразиться, профессиональное любопытство. Вы – адвокат, я – папарацци. Это, так сказать, суровая реальность. Но, между прочим, вы зря меня боитесь. Наша газета живет сенсациями, а не скандалами.

– А-а! – Григорович пренебрежительно махнул рукой. – Слова! Все это лишь вопрос терминологии. Лично я не вижу тут большой разницы.

– Мы стараемся щадить чувства людей, о которых пишем, – пояснила я.
– Другое дело, насколько хорошо это вам удастся! – язвительно заметил адвокат.
– Пока особых неприятностей у нас не было, – сказала я скромно.
– Будут! Если вы собираетесь написать обо мне, неприятности обязательно будут! – пообещал Григорович.

– А если я дам обещание не упоминать в публикации вашего имени, вы согласитесь ответить на мои вопросы? – спросила я.

Григорович недоверчиво уставился на меня.

– А зачем вам это нужно? – подозрительно поинтересовался он. – Это, выходит, вы намерены удовлетворить уже не профессиональное, а личное любопытство!

– Эти два момента уже давно слились воедино, – сказала я. – Уже и сама не понимаю, где кончается профессиональное, а где начинается личное...

– Я смотрю на эти вещи иначе, – заявил адвокат. – Но допустим, я пойду вам навстречу. Какая гарантия, что моя откровенность не повредит мне самому?

– Вопросы будут самые невинные, – заверила я. – Никаких секретов раскрывать вам не придется.

– Странное дело, – пробормотал Григорович. – Ну что ж, давайте попробуем.

– Извините, если первый вопрос покажется вам глупым, – сказала я. – Но у меня складывается впечатление, что вы не слишком пострадали от грабителей...

Григорович закатил глаза к потолку.

– Ольга Юрьевна, дорогая! – простонал он. – Вы сами-то понимаете, что вы сейчас сказали? Как можно не слишком пострадать от грабителей? Да сам факт проникновения в ваше жилище является тягчайшим стрессом! Вторглись в святая святых, сняли с вас панцирь – это ли не шок! Я до сих пор не могу прийти в себя!

– Я вас понимаю, – сочувственно заметила я. – Но имелся в виду материальный аспект...

Григорович неодобрительно прищурился.

– Вы хотите сказать, что из дому не вынесли кресла, телевизор и рояль остался на месте? – ехидно сказал он. – Да, если смотреть на дело с этих позиций, мне неслыханно повезло... Но в моем доме орудовал профессионал! Брал только золото, валюту и камешки – все то, что можно унести в карманах. Уверяю вас, зарабатывал я неплохо, и у меня есть чем пожить и помимо перечисленного, но вор, навестивший меня, обладает холодным рассудком и поразительным чутьем – настоящий артист!

– Насколько я понимаю, он добрался до каких-то тайников? – спросила я.

– Вот именно! – воскликнул Григорович. – Без шума, аккуратно все вычислил и выкрал! Сейф и все остальное...

– Но почему же вы, уезжая на долгое время, не поставили квартиру на сигнализацию? – удивилась я.

Григорович развел руками.

– Видите ли, наверное, я все-таки слишком старомодный человек, – признался он. – И потом, понадеялся на секретные замки, на соседей. Короче, проявил непростительное легкомыслие...

– О том, каковы размеры похищенного, не спрашиваю, – сказала я. – Но что говорит милиция? У них есть какая-нибудь зацепка?

Адвокат скептически улыбнулся.

– Если меня что-то и раздражает больше, чем наши газеты, – провозгласил он, – так это наша милиция! Право, об этой структуре не стоит говорить всерьез. Уверен, они будут последними, кто узнает имя грабителя!

– Ну, вы, наверное, все преувеличиваете, – возразила я. – Пожалуй, именно милиция располагает теми возможностями, которые позволяют раскрывать квартирные кражи. Сеть осведомителей, например...

– Не смешите меня! – отмахнулся адвокат. – Разумеется, я написал заявление, но думаю, что на моих денежках можно поставить крест. Если даже вора найдут, похищенное уже расплывется. Во всяком случае, большая его часть. Вы это знаете не хуже меня.

– И все-таки не стоит отчаиваться, – произнесла я стандартную формулу утешения. – Наверняка уже приняты какие-то меры.

– Разумеется! Милиция пишет бумаги! – саркастически ответил Григорович. – Я сам подписал не меньше десятка протоколов. А что толку? Вы знаете, что только за последние месяцы при схожих обстоятельствах было ограблено шесть квартир? Хозяева уезжали, а воры спокойно обчищали освобожденную площадь. И сколько, вы полагаете, таких преступлений было раскрыто? Ни одного! У милиции стандартный ответ: ставьте квартиру на сигнализацию! Но ведь это тоже не слишком дешевое удовольствие, и какая гарантия, что вор не сумеет нейтрализовать эту сигнализацию? Сейчас развелось столько умельцев...

– А многие ли знали, что вы собираетесь уезжать? – спросила я.

– Да масса народу! – с чувством произнес адвокат. – Я далек от мысли подозревать кого-либо, но, разумеется, мой отъезд не являлся ни для кого тайной. Но ведь, понимаете, я езжу отдыхать каждый год, и всегда как-то обходилось!

– Воздерживаюсь от комментариев, – вздохнула я. – Так вы говорите, в последнее время ограбили многих таких отдыхающих?

– Вот именно! И не только отдыхающих, – сказал Григорович. – Например, человек убывает в длительную командировку... Грабители-профессионалы ведь постоянно собирают информацию. Не удивлюсь, если у них существует что-то вроде разведывательного отдела.

– Лично я не слишком верю в организаторские способности наших преступников, – заметила я. – Но, безусловно, вор охотился за информацией. А что – ограбили ваших знакомых?

– Нет, об этих ограблениях мне сказал следователь, – ответил Григорович. – Наверное, хотел меня утешить. Почерк, говорит, сходный. Так что не я один пострадал от этого мерзавца...

– А у вас имеются соображения насчет того, кто бы мог навести на вашу квартиру? – спросила я. – Может быть, старый недоброжелатель?

– Когда поживешь с мое, – улыбнулся адвокат, – таких недоброжелателей наберется полгорода. Выбрать кого-то одного слишком сложно.

Мы немного помолчали, а потом я все-таки решила спросить у Григоровича о его отношениях с гражданкой Самойловой. Адвокат наморщил лоб, припоминая, и отрицательно покачал головой.

– Не знаю такую, – сказал он. – Ни разу не слышал. А почему вы решили, что я должен быть с ней знаком?

– Она носила в сумочке листок с вашим адресом, – объяснила я. – Может быть, ваша клиентка?

– У меня нет никаких клиентов! – сердито сказал Григорович. – Я давно уже не практикую, только числюсь консультантом при городской коллегии адвокатов. И уж точно не принимаю никого частным порядком.

– Странно, – заметила я. – Если у вас нет клиентов, откуда и зачем у этой женщины ваш адрес?

Григорович с беспокойством посмотрел на меня.

– Пойдите! Значит, получается... А где вы вообще выкопали эту Самойлову?

– Случайность, – сказала я. – Эта женщина попала под машину примерно неделю назад. А мой знакомый отправил ее в больницу. Ну и заглянул в сумочку. Он даже заходил к вам домой, полагая, что вы являетесь родственником этой женщины. Но вы были уже в отъезде.

– Нет у меня таких родственников! – отрезал Григорович. – Так вы говорите, эта женщина попала в больницу?

– Да, у нее довольно тяжелые травмы, – сказала я. – Пролежит не меньше двух месяцев.

– Любопытно, – покачал головой адвокат. – Мне действительно любопытно, откуда у нее мой адрес. А где теперь эта сумочка?

– Мы вернули ее хозяйке, – объяснила я. – Полагаю, она с ней в больнице. Вас что-то беспокоит?

– Еще бы! – с чувством произнес Григорович. – Теперь меня беспокоит абсолютно все. Если вашу квартиру обчистили, а адрес известен черт-те кому – поневоле забеспокоишься!.. Знаете, я хотел бы взглянуть на эту бумажку! Она написана от руки?

– Да, от руки – простым карандашом, – ответила я. – Написана так, словно человек писал второпях, хотя, возможно, это просто особенность почерка...

– Я хочу взглянуть на этот почерк! – загорелся адвокат. – На почерк у меня профессиональная память. Если он мне знаком, я сразу скажу, кто писал.

– А если не знаком? – поинтересовалась я.

Григорович сделал эффектный жест рукой.

– Тогда я спрошу эту даму, откуда у нее мои координаты! – решительно заявил он. – Не с неба же они свалились! Посмотрим, что она ответит.

– Полагаете, это может быть связано с ограблением? – спросила я.

Григорович несколько потух и сказал уже не так уверенно:

– Нет, я ничего не утверждаю... Раз вы говорите – тяжелая травма... Да и вообще, может быть, все это объясняется совершенно банально... Но поинтересоваться же не мешает, как вы думаете?

– Совершенно с вами согласна, – сказала я. – Мне эта женщина тоже незнакома. Наши пути пересеклись абсолютно случайно, но она чем-то меня заинтриговала, несмотря на свою внешнюю заурядность. Если бы вы сумели разобраться со своим адресом, это сняло бы вопросы, которые не дают мне покоя.

– Вам-то чего беспокоиться? – снисходительно обронил Григорович. – Это в моем случае... как говорится, обжегшись на молоке, дуешь на воду. Однако скажите мне, в какой больнице находится эта женщина? Хотелось бы поскорее ее увидеть.

– Может быть, съездим к ней вместе? – предложила я. – Это было бы очень удачно.

Григорович на секунду задумался.

– Вообще-то я собирался уходить, – сказал он. – Но раз уж такое дело...

– Я на машине, могу подбросить вас потом куда потребуется, – сказала я.

– В самом деле? – оживился Григорович. – Буду вам очень благодарен. Тогда никаких вопросов – я готов. Но нас пропустят к больной?

– Не волнуйтесь, – ответила я. – У меня там врач знакомый.

Глава 4

Вот так и получилось, что я вернулась туда, куда возвращаться не собиралась. Это говорит о том, что зарекаться не следует ни при каких обстоятельствах. Пользуясь формулой Джеймса Бонда, это можно изложить так: никогда не говори «никогда».

Увидев меня, врач Александр Михайлович расплылся в широкой улыбке.

– Я знал, что опять вас увижу! – заявил он. – Ей-богу, было такое предчувствие всю неделю! И еще говорят, что телепатии не существует... Какими судьбами к нам – просто соскучились или есть дело?

– Скучать нам некогда, – улыбнулась я. – Нам с Арнольдом Львовичем хотелось бы взглянуть на вашу пациентку.

Александр Михайлович сдержанно раскланялся с Григоровичем и опять обернулся ко мне.

– Взглянуть на пациентку? Ах, вы, наверное, имеете в виду Самойлову? Принесли еще какое-нибудь имущество?

– Нет, на этот раз мы с пустыми руками, – сказала я. – Хотя, наверное, следовало бы, отправляясь в больницу, запастись каким-то гостинцем. Но мы слишком спешили...

– И чем вам так приглянулась эта Самойлова? – с легким недоумением спросил Александр Михайлович. – Между прочим, совершенно вздорная баба! – Он испуганно посмотрел на адвоката и с тревогой сказал: – Простите, что я так выражаюсь – надеюсь, это не ваша родственница?

– Бог хранил от таких родственников, – холодно сказал Григорович. – Просто меня интересуют некоторые обстоятельства.

– Что ж, это вполне уважительная причина, – кивнул врач.

– Так мы можем взглянуть на Самойлову? – нетерпеливо спросила я. – Как она вообще себя чувствует?

– А что ей сделается? – благодушно сказал Александр Михайлович. – Как говорится, состояние соответствует тяжести полученной травмы.

– Но хуже ей не стало? – забеспокоилась я.

– Ну что вы! Просто прошло еще слишком мало времени, чтобы говорить о результатах лечения. Единственное, что можно утверждать определенно, – непосредственная опасность позади. Теперь все зависит от самой пациентки, от ее воли к выздоровлению. Но у этой женщины, скажу вам по секрету, воля просто стальная. Видели бы вы, как она гоняет медперсонал! К ней уже боятся заходить в палату.

– Ну, мы все равно попробуем! – сказала я. – Можем даже сделать это без вас.

– А я все-таки составлю вам компанию, – заявил Александр Михайлович. – Кто знает, когда вы еще здесь появитесь! – При этих словах он слишком выразительно посмотрел на меня, но я сделала вид, что не замечаю этого взгляда.

Кажется, Александр Михайлович относился к тому типу мужчин, которые наиболее уверенно чувствуют себя в пределах своей епархии, но на большее не дерзают. Такие мужчины меня никогда особенно не увлекали.

Впрочем, запретить ему сопровождать нас я не могла, и в палату Самойловой мы заявились втроем.

Больная находилась в той же позиции, что и неделю назад, – закованная в гипс и растянутая противовесами, она беспомощно лежала на спине и негодуя смотрела в потолок. Правда, кое-какие изменения имелись: исчезли повязки на лице, и теперь Татьяна Михайловна могла созерцать мир обоими глазами.

Лежать ей, наверное, было уже неважно. Когда мы вошли в палату, она живо повернула голову в нашу сторону и даже попыталась приподняться, опираясь на здоровую руку. Мне показалось, что меня Татьяна Михайловна не узнала.

Мы приблизились к ее кровати и поздоровались. Самойлова только скользнула по нашим физиономиям подозрительным взглядом и тут же сосредоточила все свое внимание на персоне Александра Михайловича. С места в карьер она принялась причитать о мучащих ее болях и заискивающе просила о каких-то дополнительных уколах. Врач слушал ее с отсутствующей улыбкой и машинально кивал.

Я посмотрела на Григоровича. Адвокат разглядывал женщину с недоуменной и немного брезгливой миной на лице. Похоже, он видел ее впервые.

Выглядела Татьяна Михайловна все-таки неважно. Вся левая половина лица была покрыта засохшими кровяными корками и пятнами зеленки. Под глазом темнел жуткий синяк, размерами и формой напоминавший диковинное фиолетовое яблоко. Сам глаз был красного цвета из-за лопнувших сосудов. Волосы на голове слиплись в грязные жидкие сосульки. Болезнь никого не красит, но Татьяна Михайловна выглядела так, что и врагу не пожелаешь.

Александр Михайлович терпеливо выслушал жалобы и кротко заявил:

– Мы все учтем, Татьяна Михайловна, не сомневайтесь! И уколы назначим какие нужно. Главное, терпение! Я ведь предупреждал, что терпением вам придется запастись!

– Да уж нет его, терпения! – капризно сказала больная.

– Значит, нужно изыскать резервы! – строго произнес доктор, добавив затем: – А тут к вам посетители, Татьяна Михайловна, узнаете?

Глаза Самойловой заметались, а потом сосредоточились на мне и Григоровиче. Казалось ли мне или так было на самом деле, но взгляд этой женщины был настолько неприятен, что я с трудом его выдерживала.

– Кого я узнаю? – недружелюбно сказала Татьяна Михайловна. – Никого вроде не узнаю... А, да это, похоже, опять та дамочка, которая моими вещичками интересовалась! И чего теперь нужно?

Я решила оставить без внимания странноватую интерпретацию событий и перешла сразу к делу.

– Татьяна Михайловна, простите, что вас беспокоим, – сказала я. – Но мы только на одну минуточку. И только один вопрос. Вот Арнольд Львович интересуется, кто вам дал его адрес.

Самойлова будто поперхнулась, и ее маленькие глазки чуть не выскочили из орбит. Левый глаз, красный как свекла, выглядел просто жутко.

– Какой такой адрес? – сварливо сказала она. – Ничего не знаю!

– Э-э, уважаемая... – протянул Григорович. – Пожалуй, стоит уточнить вопрос. Ольга Юрьевна утверждает, что видела у вас в сумочке бумажку с адресом: улица Леонова, семьдесят семь, двадцать четыре. Это мой адрес, адвоката Григоровича. Откуда он у вас?

– А-а, так она все-таки шмонала мою сумочку! – торжествующе завопила Самойлова. – Я сразу это поняла! Прикидывалась тут невинной овечкой!

– Вы не кричите! – строго заметил Александр Михайлович, который решил прийти мне на выручку. – Вам вредно кричать. И вообще, вам же вернули сумочку в целостности и сохранности.

– Это еще надо доказать! – упрямо заявила Самойлова, но вдруг затихла и уже совсем другим тоном произнесла: – Только тут какая-то ошибка – не было у меня вашего адреса! Перепутала дамочка...

Она замолчала и, поджав губы, настороженно посмотрела в мою сторону. Если до сих пор мои вопросы носили несколько умозрительный и отчасти надуманный характер, то теперь у них появился совершенно реальный и весьма ощутимый подтекст. Татьяна Михайловна что-то от нас скрывала, и мне очень хотелось бы знать, что именно.

В самом деле, бумажку с адресом я видела своими глазами, вместе с сумочкой возвращала ее владелице – не Кружков же ее подкинул! На месте Татьяны Михайловны я не стала бы отрицать очевидное, разве что в том случае, если бы адрес действительно подбросили, но кому и зачем это было нужно?

Между тем Григорович нерешительно посмотрел на меня, явно сбитый с толку уверенным тоном Татьяны Михайловны. Она же сама вдруг состроила плаксивую мину и, обращаясь к своему доктору, пожаловалась, что плохо себя чувствует. Это был недвусмысленный намек на то, что нам пора закругляться. Однако я рассчитывала на снисходительность Александра Михайловича и потому рискнула продолжить.

– Как же так, Татьяна Михайловна! – с упреком сказала я. – Эту записку я сама видела. Не хотите же вы сказать, что я могла все это выдумать? Ради чего?

– А я откуда знаю, ради чего ты вокруг меня крутишься? – нелюбезно буркнула Самойлова. – Может, ты виды какие имеешь – откуда я знаю? А записку ты выдумала. Не было ее. Можешь хоть сейчас проверить. Вон она, сумочка, в тумбочке лежит. Пошарься, если хочешь. Тебе не привыкать!

И этот выпад я решила пропустить мимо ушей. Меня больше поразило неожиданное равнодушие хозяйки к своему имуществу, над которым она совсем недавно буквально тряслась. Это могло означать только одно: все дело было именно в той записке, которой сейчас наверняка в сумочке не было! Не стоило даже и проверять.

Однако Арнольд Львович не захотел упустить предоставившуюся возможность. Он быстро шагнул к тумбочке, пробормотав извиняющимся тоном:

– Если позволите, я взгляну!..

– Смотри-смотри! – проворчала Самойлова, торжествующе уставившись в потолок. – Много всех тут, халявщиков!

Коренастый Григорович дернул от досады щекой, но смолчал. Заглянув в тумбочку, он достал сумку, открыл ее и осмотрел содержимое. Затем застегнул замок и аккуратно положил сумку на место.

– Прошу прощения! – произнес он, оборачиваясь. – В самом деле, никакой записки нет. Но вы уверены, что ее и раньше не было?

– Покою мне нет! – жалобно проговорила Самойлова, и ее глаза налились слезами. – Мало того, что косточки все переломаны, так тут еще садисты измываются! В какой другой больнице такое позволено? Надо бы мне жалобу написать, да рука не действует... Ну, ничего, я все равно на вас управу найду, не надейтесь!

На лице Григоровича появилось выражение испуга.

– Еще раз приношу свои извинения за беспокойство! – поспешно сказал он. – Не сердитесь, ради бога, Татьяна Михайловна! И поскорее выздоравливайте!

– Ишь ты, здоровье мое его интересует! – скорбно пропела Татьяна Михайловна. – Кабы интересовало, в палату ко мне не вламывался бы и по тумбочкам не рыскал! Совесть люди совсем потеряли!

Арнольд Львович изменился в лице, резко махнул рукой и, ни на кого не глядя, порывистым шагом вышел из палаты. Александр Михайлович, однако, ничуть не смутился. Он подмигнул мне и сурово сказал Татьяне Михайловне:

– А я, между прочим, предупреждал: не хранить ценные вещи в тумбочке! Вы не послушались, а теперь претензии предъявляете! А если я завтра к вам соседей подложу?

Эта идея поразила Самойлову в самое сердце. Она приподняла голову и испуганно спросила:

– Каких соседей, доктор?

– Обыкновенных, – пожал плечами Александр Михайлович. – Пациентов, другими словами. Поступают больные, а вы одна всю площадь занимаете...

– А может, их в какое другое место? – льстиво спросила Самойлова. – Мне ведь и без того тяжело – ночами спать не могу. А тут соседи – храпеть еще, чего доброго, будут...

– Ну ладно, там посмотрим, – сжалился доктор. – Только вы тоже ведите себя соответственно!

– А я что? – покорно откликнулась Татьяна Михайловна. – Я всегда навстречу. Меня что просят, то и делаю. Вон дамочке чего-то мерещится, так я ей не перечу. Ваши указания все выполняю, доктор.

– Ну, хорошо, – кивнул Александр Михайлович. – Отдыхайте пока. Скоро процедуры начнутся. А мы пойдем.

Он опять-таки исхитрился взять меня под ручку, и таким манером мы продефилировали до середины коридора. Александра Михайловича, похоже, нисколько не интересовало, чего я, собственно, ищу в его отделении, но он был настроен со мной поболтать и трещал, не переставая.

Меня же все больше одолевало беспокойство. Нужно было сосредоточиться и хорошенько подумать, чтобы решить, что же все-таки произошло. У меня имелись вопросы и к адвокату Григоровичу, но тот, похоже, уже ушел. Еще не хватало, чтобы он подумал, будто я его разыгрываю.

Догонять Арнольда Львовича было уже поздно, поэтому я решила уточнить кое-что у доктора. Прервав его треп, я спросила:

– Скажите, Александр Михайлович, после моего прихода кто еще навещал Самойлову?

Врач посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

– Да навещал кто-то... Честно говоря, я за этим не слежу. Но можно поспрашивать у медсестер. Правда, они вряд ли много вам скажут: для нас посетители все на одно лицо. А что – что-нибудь случилось?

– Наверное, в истории болезни записано, где Самойлова работает? – проигнорировав слова доктора, поинтересовалась я. – Можно это узнать?

– Для вас всегда пожалуйста! – с энтузиазмом произнес Александр Михайлович. – Сейчас спросим у Валюши.

Он направился к столу дежурной медсестры, за спиной у которой в ячейках картотеки были разложены по алфавиту пухлые рукописи историй болезни.

– Валюша, – весело попросил Александр Михайлович, – ну-ка, пошукай нам Самойлову, золотко!

Полненькая белобрысая Валюша, почти не глядя, протянула руку и жестом фокусника извлекла нужную рукопись.

– Что вас интересует, Александр Михайлович? – деловито спросила она.

– Что там у нее записано в графе «работа»? – осведомился доктор.

– Второй хлебозавод, – прочла медсестра. – Бухгалтер. Что-нибудь еще, Александр Михайлович?

Доктор вопросительно посмотрел на меня. Я покачала головой и обратилась к медсестре:

– Валя, скажите, кто-нибудь навещал Самойлову в эти дни?

Девушка задумалась и не слишком уверенно сказала:

– Да вроде никто не навещал. В первые дни приходил кто-то, а потом как отрезало. Наверное, одинокая...

– А уточнить это можно? – поинтересовалась я.

Медсестра бросила озабоченный взгляд на Александра Михайловича.

– У девчонок можно поспрашивать, – полуутвердительно сказала она. – Только за один день не получится, наверное: все же в разных сменах.

Александр Михайлович ободряюще мне улыбнулся и заявил:

– Сделаем все возможное! Денька через три информация будет готова! – и добавил со значением: – И у вас появится повод еще раз заглянуть в нашу богадельню, да?

– Да, наверное, – согласилась я. – Пожалуйста, позвоните мне, когда что-то выясните, – и я протянула Александру Михайловичу свою визитную карточку.

Он с интересом на нее взглянул и отреагировал очень бурно:

– Вот не ожидал! Так вы, значит, пресса? Очень приятно! Слышишь, Валюша, про нас скоро в газете напишут!

Девушка не слишком одобрительно посмотрела на него – по ее мнению, симпатичный доктор чересчур много уделял внимания посторонним женщинам – и сухо сказала:

– Александр Михайлович, Зина просила посмотреть Петрова из десятой палаты. У него опять температура подскочила.

– Сделаем! – немедленно откликнулся Александр Михайлович, сразу становясь серьезным. Затем, разведя руками, он обратился ко мне: – Извините, служба! Но я вам обязательно позвоню, обещаю!

Он все-таки галантно проводил меня до дверей отделения и пожелал удачи. Я бы предпочла, чтобы бог послал мне разума разобраться во всей этой темной истории с адвокатом, бухгалтером и исчезнувшей запиской. Несомненно, что-то здесь было нечисто, но мне никак не удавалось понять – что.

Решив, что пришла пора вынести это дело на общее обсуждение, я поехала в редакцию.

Глава 5

В моем кабинете собрались все сотрудники нашего немногочисленного коллектива: мой заместитель Сергей Иванович Кряжковский, фотограф Виктор, семнадцатилетний Ромка, исполняющий обязанности курьера, Маринка и, естественно, я.

Маринка сварила великолепный кофе на всех, и коллеги с дымящимися чашечками в руках выжидающе поглядывали в мою сторону в надежде услышать что-то экстраординарное. Но я и сама не была уверена в том, представляет ли моя информация реальную ценность, и сразу же честно об этом предупредила.

Коллеги отнеслись ко мне снисходительно и предложили перейти от предисловий к сути дела. Тогда я рассказала во всех подробностях, каким образом познакомилась с гражданкой Самойловой и какие сомнения меня одолевают. Когда рассказ подошел к концу, я сделала небольшое пояснение:

– Боюсь, что профессиональная привычка искать повсюду преступный умысел сыграла со мной злую шутку, и теперь я пытаюсь записать в преступники невинного человека, хотя, кроме туманных подозрений, у меня ничего нет. Поэтому мне хочется выслушать ваше непредвзятое мнение, которое было бы основано только на фактах. Хорошо, что никто из вас не сталкивался с объектом моих подозрений, потому что, откровенно говоря, гражданка Самойлова – человек достаточно неприятный и расположения к себе не вызывает... Так что вы обо всем этом думаете?

Коллеги в ответ на это только озадаченно переглядывались. Наконец заговорил Сергей Иванович Кряжковский. Обычно он, как самый старый и опытный сотрудник, высказывался последним, но теперь, видя, что остальные находятся в затруднении, решил взять инициативу на себя. Говорил он, как всегда, витиевато и обстоятельно, выстраивая факты в логическую цепочку.

– Позвольте, я выскажу свое мнение, Ольга Юрьевна! – начал он. – Во-первых, мне понятны ваши сомнения, поскольку они хорошо знакомы и мне самому, и, думаю, любому из нас. Профессия на каждого накладывает отпечаток, и, в той или иной степени, каждый из нас склонен искать, как говорится, черную кошку в темной комнате, где ее, возможно, и нет... Наверное, эта избыточная подозрительность может показаться со стороны неоправданной и смешной. Но у медали есть и другая сторона. Именно эту сторону называют интуицией. Интуиция не возникает на пустом месте, поверьте мне! Она складывается по крупинке на основании профессионального и жизненного опыта – это не простые догадки и озарения. Наверное, все могут привести пример, когда интуиция указывала правильный путь, верно? Поэтому я склонен относиться серьезно к тому, что подсказывает интуиция. То же самое и в данном случае. Ведь подозрения у Ольги Юрьевны появились отнюдь не потому, что ей не понравилась личность незнакомой женщины. Эти подозрения возникли на основе интуитивного анализа фактов. Давайте же пристальнее рассмотрим эти факты.

Что мы имеем? Во-первых, преступление – ограблена квартира адвоката Григоровича. Преступник неизвестен. Также неизвестно, кто навел его на эту квартиру. Во-вторых, появляется женщина, в сумочке которой обнаруживается адрес адвоката. Сам факт ничем не примечателен, но прошу обратить внимание, что адвокат незнаком с этой женщиной и она, похоже, его тоже не знает. Тем не менее зачем-то хранит у себя его адрес.

– К тому же Григорович сейчас не практикует, – вставила я.

– Это представляется мне не столь существенным, – заметил Кряжковский. – Гораздо важнее то, что к этому времени адвокат уехал из города вместе с семьей. В квартире никого нет... Кстати, вы обратили внимание, Ольга Юрьевна, как выглядел листок бумаги с адресом – он был потрепан или...

– Нет, бумага была совсем свежей, – сказала я. – Не похоже, чтобы ее долго таскали в сумочке.

– Вот видите! – обрадовался Кряжимский. – Итак, адвокат уехал, а женщина, которая с ним незнакома, кладет в сумочку записку с его адресом и ночью идет на другой конец города, где ее неожиданно сбивает машина...

– Машина, кажется, здесь ни при чем, – сказала я. – Это некий посторонний элемент – эдакий дух из машины, извините за каламбур.

– Возможно, – откликнулся Кряжимский. – Но было бы неплохо побеседовать с водителем, совершившим наезд. Подозреваю, что нам удалось бы узнать кое-что интересное. К сожалению, вряд ли это представляется возможным – скорее всего, водитель находится в заключении...

– Можно попробовать, – сказала я. – Обратиться прямо к начальнику УВД – надеюсь, он не откажет нам в таком пустяке.

– Хорошо, пока вынесем водителя за скобки, – наклонил голову Кряжимский. – Посмотрим пристальнее на женщину. С тяжелыми травмами она попадает в больницу, но тем не менее находит в себе силы переживать за старенькую сумку, в которой самое ценное – паспорт, не так ли? Пожалуй, немного странно для человека, прикованного к постели, вы не находите?

– Разные бывают чудачки, – заметила философски Маринка.

– Это верно, – согласился Кряжимский. – Но обратите внимание: проходит неделя, и женщина уже гораздо спокойнее относится к своему имуществу – она больше не прижимает сумочку к сердцу и даже позволяет ее осматривать постороннему человеку. Что же изменилось за эту неделю, спрашиваю я. А вот что: записка с адресом адвоката исчезла из сумочки, а адвокат был ограблен.

– Значит, вы тоже видите связь между этими событиями? – спросила я.

– А как же не видеть, дорогая Ольга Юрьевна! – с чувством сказал Кряжимский. – Помоему, это просто очевидный факт! И в его пользу говорит то обстоятельство, что, избавившись от листка с адресом, женщина стала весьма бурно реагировать на любые упоминания о нем. Не было адреса – и все тут! Лежа в палате, она не могла знать, что адвоката ограбили. Почему же такая реакция? Остается одно: она заранее обо всем знала.

– Смелый вывод! – заметил молчавший до сих пор Виктор.

– У кого-нибудь есть другие соображения? – вежливо спросил Кряжимский. – Я с удовольствием их выслушаю.

– Больные часто ведут себя странно, – сказал Виктор.

– Поведение Самойловой не кажется мне странным, – возразил Кряжимский. – Напротив, оно на редкость последовательно – единственное, чего добивается эта женщина: чтобы про злосчастный адрес поскорее забыли. В случае с самим Григоровичем результат получился блестящим. Наша Ольга Юрьевна оказалась более упорной, но даже и она испытывает определенные сомнения... А главное – Самойлова избавилась от опасной бумажки...

– И куда она ее дела? – спросила Маринка. – Она же с постели встать не может!

– Она ее съела! – объявил Ромка.

Кряжимский покачал головой.

– Ничего подобного, – сказал он. – Позволю себе предположить, как все было на самом деле... Мне кажется, что Самойлова и является тем человеком, который навел вора на квартиру Григоровича. Раздобыв информацию об отъезде адвоката и его адрес, она отправилась на встречу с грабителем. В качестве гипотезы можно даже предположить, что этот грабитель проживает где-то поблизости от места аварии. Из вашего рассказа, Ольга Юрьевна, следует, что произошло это в 1-м Горном тупике... Практически там только одна дорога, никуда не свернешь... Поэтому я и думаю, что грабитель проживает где-то там. Или проживал, так будет точнее.

Встретиться они должны были ночью, чтобы Самойлова не попала на глаза. Однако с ней случилось несчастье, и преступнику пришлось самому разыскивать ее. Думаю, через день-другой ему это удалось. Он навестил женщину в больнице и забрал у нее записку с адресом. Затем он ограбил квартиру адвоката и скорее всего теперь залег на дно. Вряд ли он еще раз появится в больнице, тем более что Самойлова не представляет сейчас для него интереса.

– Непонятно, а где она разузнала про адвоката? – задумчиво произнес Ромка. – Может, она рядом живет?

– Живет она совсем в другом районе, – сказала я, – да и работает, судя по записи в истории болезни, на хлебозаводе бухгалтером. В общем, в огороде бузина, а в Киеве дядька...

– Все равно, какая-то связь непременно должна быть, – заявил Ромка. – Предлагаю спросить эту тетку обо всем напрямик! Мы застигнем ее врасплох, и она сразу расколется, вот увидите!

– Ну что за жаргон, мальчик! – капризным голосом сказала Марина. – И неужели у тебя хватит совести мучить больную женщину?

– Мы не будем ее мучить, – покраснел Ромка. – Спросим, и все!

– Один раз уже спросили, – скептически заметила я. – Теперь она нас просто пошлет. Да еще и жалобу напишет – одной левой.

– А если она ни при чем? – холодно добавил Виктор. – Мы будем иметь весьма бледный вид.

– Лично мне представляется, что поиск следует вести по следующим направлениям, – сказал Кряжимский. – Хлебозавод, больница, адвокат. Ну, и плюс еще водитель. Но это больше для очистки совести. Скорее всего наезд произошел случайно.

– Вы забыли упомянуть 1-й Горный тупик, – напомнила я.

– Верно, – смутился Кряжимский. – Хотя это самое слабое место. Преступник, как я полагаю, вполне мог сменить место жительства. Хотя наведаться, конечно, туда тоже не помешает. Только это нужно сделать тонко, чтобы никто не догадался, будто мы кого-то ищем.

– Я могу поспрашивать, не сдает ли кто в том районе квартиру, – сказал Виктор.

– Что ж, это хороший предлог, – согласился Кряжимский. – А в больнице нужно выяснить, кто навещал Самойлову в первые дни после госпитализации.

– Они обещали сделать это дня через три, – сказала я.

– Хорошо бы еще раздобыть фотографию этой женщины, – задумчиво произнес Кряжимский. – Наверное, Виктор мог бы это сделать?

– Виктор, положим, и смог бы, – возразила я. – Объект для съемки самый подходящий – главное, все время на одном месте. Но толку от этого будет немного – Самойлова сейчас выглядит так, что ее и родная мама не узнала бы.

– Жалко! – сказал Кряжимский. – И ведь Григорович тоже не узнал Самойлову?

– Не узнал, – покачала я головой. – Во всяком случае, на его лице ничего такого не отразилось. Но я собираюсь еще раз с ним встретиться и уточнить подробности. Правда, хочу переждать некоторое время – сейчас он слишком зол на меня... Начну с хлебозавода. Самойлова – женщина одинокая, и рабочий коллектив – ее единственная семья. Что-то они должны знать о ее личной жизни...

– А если просто рассказать все, что мы знаем, следователю? – неожиданно предложила Маринка. – Пусть он и занимается этой Самойловой!

– Ничего себе! – возмутился Ромка. – Ольга Юрьевна напала на след, а ты хочешь, чтобы этим воспользовались другие! Мы сами распутаем это дело – не впервой!

Запальчивость Ромки выглядела немного забавно, но в душе я была с ним согласна.

– Милиция ловит грабителя, – сказала я. – У нее осведомители, собаки, эксперты и прочее. У нас только записка, которая к тому же бесследно исчезла. Вряд ли следователя сильно

обрадует этот факт. Ему подавай то, что можно подшить к делу. Полагаю, никому не повредит, если мы будем параллельно вести свое расследование. В конце концов, как правильно говорит Ромка, оно у нас не первое, и мне вовсе не хочется никому его уступать!

– А если эта Самойлова вовсе и ни при чем? – сказала Маринка. – И окажется, что мы сели в лужу? Зачем это нам надо?

Иногда на Маринку нападали приступы совершенно необъяснимого скептицизма. Наверное, все дело было в том, что чисто женские инстинкты превалировали в ее душе над охотничьими, а настоящего папарацци без этого не бывает.

– Если сядем в лужу, это будут только наши проблемы! – сердито ответила я. – Но часто ли нам приходилось в нее садиться?

– Когда-то же надо начинать, – невозмутимо возразила Маринка, пожимая плечами. – На вашем месте я оставила бы бедную женщину в покое. Ей и без того тошно... У меня дядька лежал два месяца с переломом. Так через две недели он настолько озверел, что кидался на любого, кто подходил к его кровати...

– Никто не собирается мучить женщину, – возразила я. – Пусть себе лечится, мы будем искать записку.

– То есть прошлогодний снег, – уточнила Маринка.

– Как говорит физика, материя не возникает из ничего и никуда не исчезает, – сказала я. – Какой-то след все равно есть. И вообще, подруга, не доставай меня своими сомнениями – у меня и своих хоть отбавляй!

– Все равно ничего интересного у нас сейчас на примете нет, – вмешался в наш спор Кряжимский. – А это дело обещает закрученный сюжет и эффектную развязку. Ну, а уж если не судьба... – он развел руками. – Лично я считаю, что во всей этой истории что-то есть.

– Тогда будем считать дискуссию законченной, – решила я. – Поступим следующим образом: я прямо сейчас наведу по месту работы Самойловой, Виктор завтра с утра прогуляется до 1-го Горного тупика, а вас, Сергей Иванович, я попрошу связаться с пресс-центром УВД, чтобы получить информацию о сходных ограблениях квартир...

Сергей Иванович деловито кивнул, а пылкий Ромка вскричал:

– Ну конечно, а я как всегда остался без дела!

– У тебя все еще впереди, мальчик! – злорадно произнесла Маринка. – Какие твои годы!

Маринка обожала поддразнивать нашего курьера, хотя он и не заслуживал тех насмешек, которые она периодически обрушивала на Ромку. Несмотря на все издержки, связанные с молодостью, Ромка был далеко не глуп, решителен, а главное, всегда готов принять участие в любом расследовании, жертвуя свободным временем и прочими радостями, на которые так падки молодые люди. Порой мне намеренно приходилось удерживать его от чрезмерной активности. Как-никак он был несовершеннолетним, а я несла полную за него ответственность.

– Не огорчайся, – посоветовала я ему. – Несмотря на вульгарную форму изложения, Маринка в чем-то права. Твое дело от тебя не убежит. А сейчас, сам видишь, твоя помощь не требуется. Но ведь расследование только начинается...

«И неизвестно, чем закончится», – хотелось добавить мне, но я посчитала, что это будет уж чересчур. Все-таки даже Кряжимский не оспаривал моих подозрений, а это кое-что значило.

По дороге на хлебозавод я прикидывала, что мне удастся разузнать о личности бухгалтера Самойловой у ее коллег. Вряд ли она поддерживает с кем-то близкие отношения, если даже соседи по дому характеризуют ее как человека одинокого и замкнутого. Но кто знает, может быть, какая-то незначительная деталь, обмолвка в разговоре, мимолетное воспоминание выведет нас на нужный след. Не бывает людей, о которых вообще ничего не известно.

Попасть на территорию завода мне удалось не сразу. На проходной меня остановили дюжие охранники, которые держались так неприступно, словно за спиной у них находился

военный объект. Не знаю, как у хлебопеков обстояло дело с бизнесом, но с охраной у них было все в порядке.

После того как старший охранник минут десять вертел в руках мое удостоверение и минут десять созванивался с кем-то по внутреннему телефону, меня наконец пропустили во двор, подробнейшим образом объяснив, как найти административное здание.

Следуя этим указаниям, я уже без труда добралась до бухгалтерии и там, наугад остановив первую попавшуюся сотрудницу, спросила, с кем можно поговорить о бухгалтере Самойловой. Женщина наморщила лоб и с удивлением заметила, что не припоминает такой фамилии.

– Вообще-то я здесь недавно, – неуверенно добавила она. – Может быть, это девичья фамилия? Зайдите к Толубееву, он вам точно скажет.

– А кто это – Толубеев? – спросила я.

– Наш главный бухгалтер, – пояснила женщина. – Он сейчас у себя. Идите по коридору, третья дверь налево...

Я нашла третью дверь и, постучавшись, вошла. В глубине кабинета за письменным столом сидел довольно молодой мужчина в костюме с серебристым отливом и, приклеившись ухом к телефонной трубке, монотонно повторял: «Так... так...» Лицо у него было холеное и злое. Зачесанные назад волосы делали его лоб непомерно высоким. Скользя по мне холодным взглядом, мужчина молча показал пальцем на свободный стул и продолжил свое бесконечное «так», которое с каждым разом становилось все нетерпеливее и выразительнее.

Наконец он рубанул ладонью по краешку стола и сказал в трубку:

– Короче, жду тебя сегодня в час! Мы вместе пойдем к Паницкому, и ты сам ему все это расскажешь, договорились?... Не-ет, дорогой, я за тебя отдуваться не намерен! Все, разговор закончен! В час у меня!

Он положил трубку и слегка обиженно посмотрел на меня.

– Во люди, а?! – произнес он, словно призывая к сочувствию. – Палец в рот не клади – отхватят по самый локоть... А вы ко мне?

– Если вы – Толубеев, то к вам, – сказала я.

– Толубеев Дмитрий Петрович, – подтвердил хозяин кабинета. – А вы кто?

– Бойкова Ольга Юрьевна, – представилась я. – Из газеты «Свидетель».

В глазах Толубеева блеснула искорка интереса.

– А-а, так это насчет вас звонили с проходной! – пробормотал он и тут же осторожно спросил: – И что же привело вас ко мне, уважаемая?

– Хочу получить справку об одной вашей сотруднице, – объяснила я. – О той, которая недавно попала под машину, – о бухгалтере Самойловой.

На холеном лице Толубеева появилось чрезвычайно удивленное выражение.

– Тут какое-то недоразумение! – с легким смешком сказал он. – Никто из моих сотрудников под машину не попадал! Это уж совершенно точно! И, кроме того, как, вы сказали, фамилия той, что вы ищете, – Самойлова? У нас нет бухгалтера с такой фамилией!

– Вы уверены? – разочарованно спросила я.

– Головой ручаюсь! – без колебаний ответил Толубеев.

По всему было видно, что он говорит правду, да и зачем ему было врать? Без особой надежды я попыталась зайти с другой стороны.

– Возможно, Самойлова не бухгалтер, – сказала я. – Возможно, просто конторская служащая...

– Я знаю всех служащих, – уверенно заявил Толубеев. – Среди моих нет Самойловой... А где вы вообще ее откопали и почему решили, что она наша?

– Она сама так отрекомендовалась, – сказала я. – В истории болезни в графе «место работы» записано: Второй хлебозавод, бухгалтер... Такая маленькая женщина с короткой

стрижкой и въедливыми глазками. Голос у нее крайне неприятный. И она охотно и часто идет на скандал...

Толубеев слушал меня, озадаченно перекатывая в ладонях шариковую ручку. Вдруг взгляд его прояснился, он бросил ручку в стаканчик для карандашей и откинулся на спинку кресла.

– Я, кажется, понял, о ком идет речь! – заявил он и посмотрел на меня с некоторой иронией. Потом Толубеев сложил губы в брезгливую гримасу и согласно кивнул.

– Ну да, Татьяна Михайловна! Припоминаю, именно так ее и звали, – сказал он. – Но если вас интересует она, зачем вы пришли к нам?

– Да я же объяснила: она указала место работы – хлебозавод! – ответила я. – Куда же я должна была идти – в библиотеку?

Толубеев долго оценивающе разглядывал меня, а потом изрек:

– И чего же вы ожидаете от меня?

– Ну, поскольку Самойлова вам все-таки известна, – сказала я, – то хотелось бы услышать, что она за человек...

– Плохой человек, – убежденно произнес Толубеев.

– А конкретнее?

На лице Толубеева опять появилась проницательная улыбка.

– Послушайте, меня на такие штучки не возьмешь! – заявил он. – Идите к директору. Только сомневаюсь, что он захочет с вами откровенничать. Нам не нужна популярность подобного рода. От этого страдает репутация предприятия.

– Да не нужна мне ваша репутация! – с досадой сказала я. – У меня своих проблем хватает. Неужели трудно понять, что я пришла к вам по конкретному вопросу?

– Ну, хорошо. У меня мало времени, – сказал Толубеев. – Репутация нашего завода безупречна. Если вы попытаетесь лить грязь, будете разбираться в суде, это я вам обещаю!

– Клянусь, я ни строчки не собираюсь писать о вашем драгоценном заводе! – пообещала я. – Но вы можете хоть слово сказать о Самойловой? Ведь это просто смешно!

– Мне не очень, – возразил Толубеев. – Самойлова не имеет больше к заводу никакого отношения – я настаиваю на этом! Примерно три года назад она была уволена. Между прочим, с тех пор поменялось руководство почти полностью. К управлению пришли новые люди!

– Я вам верю. Но Самойлова – она что-то натворила? – спросила я.

– Ну, не просто так ее уволили! – откликнулся Толубеев. – Были вскрыты серьезные нарушения, злоупотребления служебным положением... Не одна Самойлова, а ряд работников... Но мы ото всех решительно избавились. Как говорится, сорную траву с поля вон! Правда, желая избежать огласки, решили ликвидировать конфликт мирным путем: ущерб взыскан рабочим порядком, а увольнения произведены с формулировкой «по собственному желанию»... Понимаете теперь? К чему нам ворошить прошлое?

– Не собираюсь ворошить вашего прошлого, – еще раз заверила я. – А Самойлову тоже уволили по собственному желанию?

– Разумеется. Какой смысл был с ней возиться? В принципе, она была мелкой сошкой, хотя и весьма противной. Вы правильно сказали: она постоянно нарывалась на скандал. Здесь она чувствовала себя в своей стихии. Но ей тоже дали по рукам.

– Понятно, – кивнула я. – Значит, в отличие от завода в целом, у бухгалтера Самойловой репутация не очень?

– У бывшего бухгалтера, подчеркиваю! – сказал Толубеев.

– Конечно, – согласилась я. – Значит, уже три года как от Самойловой избавились? А вы случайно не знаете, куда она потом устроилась?

Толубеев посмотрел на меня почти надменно.

– С какой стати? – возмущенно сказал он. – Я не поддерживаю с ней отношений, как вы догадываетесь!

– Разумеется, – сказала я. – Но, может быть, какие-то слухи...

– Уважаемая! – с превосходством произнес Толубеев. – У меня нет ни времени, ни охоты гоняться за какими-то слухами! Мы здесь занимаемся делом. Судьба профнепригодных работников нас не интересует. Кстати, за эти три года в бухгалтерии сменился кадровый состав полностью – поэтому Самойлову никто не помнит. Я единственный, потому что участвовал в разгребании того конфликта... Теперь вы удовлетворены?

– Не очень, – призналась я. – Была надежда узнать о Самойловой поподробнее... Но на нет и суда нет! Извините за беспокойство. Я, пожалуй, пойду.

Это так понравилось Толубееву, что он даже слегка подобрел.

– Рад был вам помочь, – доверительно сказал он. – Но, простите, нечем. Все, что я знал о личности этой дамы, я вам выложил. А больше мне сказать нечего – сами понимаете, мы с ней были по разные стороны баррикад... Да и потом, масштаб этой личности не мог вызвать к ней особого интереса – так, вздорная бабенка, жадная до денег...

– Ну, до денег мы все жадные, – с улыбкой заметила я.

Толубеев не принял шутку. Сделав значительную мину, он совершенно серьезно возразил:

– Вот тут вы не правы! Для меня главным является прежде всего дело! А деньги – что ж, они только требуют к себе разумного отношения.

По-видимому, он продолжал опасаться, что я еще не оставила намерений подмочить репутацию его фирмы. Но мне больше от него ничего не требовалось. Главный ответ у меня уже был: Татьяна Михайловна Самойлова оказалась человеком не только замкнутым, но и скрытным – она предпочитала держать в тайне все подробности своей жизни, включая даже место работы. Да и прошлое у нее было далеко не безоблачным. Я все больше убеждалась, что наши подозрения в отношении этой женщины небеспочвенны – не хватало только фактов.

Глава 6

Не принесла никаких результатов и вылазка Виктора. На следующий день он прошел весь Горный тупик от первого до последнего дома, намереваясь якобы снять там комнату. Итог оказался совершенно неожиданным. Все жители этой кривой улочки были не прочь сдать жилую площадь, даже не особенно заламывая цену.

Чтобы выйти из положения, Виктору пришлось проявить чудеса изворотливости. Он капризно осматривал предлагаемую комнату и обязательно оставался чем-нибудь недоволен – то площадью, то освещенностью, то ценой. В результате он отказывался и шел в соседний дом, где ему тоже сразу предлагали комнату, и все начиналось сначала.

Скоро уже все обитатели Горного тупика были в курсе, что к ним забрел какой-то сумасшедший, который сам не знает, чего хочет. В таких условиях трудно было рассчитывать застать врасплох предполагаемого преступника. Впрочем, Виктор утверждал, что добрая половина жителей окраинной улочки вполне могла претендовать на это звание – таких подозрительных пьяных физиономий и в таком количестве Виктор давно не видел.

Практически это означало одно: ничего конкретного в том районе обнаружить не удалось. Судя по гостеприимству аборигенов, мы имели право только предполагать, что они могли приютить у себя кого угодно, но об этом мы догадывались и раньше.

Юный Ромка сгоряча предложил поставить круглосуточный пост на выезде из Горного тупика, чтобы проследить за тем, кто куда входит и выходит.

– И в нетрезвом виде выезжает на грузовиках! – ехидно добавила Маринка. – А потом мы будем носить нашему Ромке передачи в больницу!

Я была сдержаннее, но Ромкину идею тоже не поддержала.

– Это называется ждать у моря погоды! – заявила я. – А кроме того, у нас нет ни сил, ни средств, чтобы организовать такое наблюдение. И вообще, это занятие бессмысленное и опасное. Будем разбираться с Самойловой!

Я подразумеваю под этим следующее: выяснение ее места работы, связей и отношений с адвокатом Григоровичем. Еще было бы неплохо обзавестись хотя бы плохоньким фотопортретом Татьяны Михайловны. У меня были на этот счет кое-какие соображения, но реализовать их можно было, только побывав в медсанчасти у Александра Михайловича, а он мне еще не звонил.

Чтобы не терять времени, я решила еще раз навестить адвоката, надеясь, что его гнев уже улегся. Предварительно я с ним не созванивалась – нет ничего легче, чем сказать человеку по телефону, что не хочешь его видеть.

В машине я, как обычно, размышляла по поводу поступившей информации. Кряжимский уже связывался с пресс-службой УВД и раздобыл там кое-какие сведения.

Выяснилось, что с марта этого года в нашем городе было совершено семь ограблений квартир. Вообще их было, конечно, гораздо больше, но Сергей Иванович сосредоточил внимание на тех, где преступник действовал сходным образом и совпадали обстоятельства.

Во всех семи случаях хозяева квартир на продолжительный срок выбывали в другой город, не позаботившись о дополнительной безопасности своих жилищ. Социальный состав подвергшихся ограблению был различен, но в основном это были люди не бедные – те в наше время предпочитают сидеть дома.

Преступник же во всех семи случаях действовал, по-видимому, в одиночку, весьма осторожно и умело, не оставляя следов и мастерски расправляясь с замками. Брал он исключительно деньги и драгоценности, избегая соблазна поживиться какой-нибудь крупной вещью, как бы дорога она ни была.

Оказалось, что, кроме этих семи удачных ограблений, имелись еще три попытки, которые вору реализовать не удалось. В одном случае сработала сигнализация, а в двух других всполошились соседи. Но удачливый вор всегда успевал унести ноги. Никто даже не смог запомнить его внешность.

Дотошный Кряжимский не ограничился ближайшим периодом и выспросил, не работал ли домушник-одиночка в прошлые годы. Насчет этого информация была достаточно противоречивой – что-то похожее имелось и в прошлом, но милиция вроде бы отказывалась приписывать все случаи одному человеку.

Впрочем, семи эпизодов менее чем за полгода было вполне достаточно для одного, тем более что имелись еще три неудачные попытки. Оставалась малость – выяснить, каким путем злоумышленник добывал информацию о пустых квартирах. Трудно было поверить, что в городе с почти миллионным населением он мог найти их только с помощью интуиции. Кто-то должен был снабжать его сведениями. Но кто – неужели Самойлова?

Размышлять об этом можно было бесконечно, но я уже подъезжала к дому, где жил Григорович. Я выбросила из головы Самойлову, озабоченная тем, как встретит меня адвокат. Нужно было проявить максимальное обаяние, чтобы компенсировать то раздражение, которое, должно быть, испытывает Григорович от моей персоны. В конце концов, он достаточно разумный человек и должен понять, что бессмысленно злиться на обстоятельства.

Адвокат был дома. На мой звонок он вышел в махровом синем халате, с мокрым распаренным лицом: должно быть, перед самым моим приходом принимал ванну. Хотя я из кожи лезла, стараясь казаться обаятельной, Григорович с трудом сумел спрятать разочарование, прозвучавшее в его голосе.

– Это опять вы, – без эмоций произнес он. – Пришли рассказать еще какую-нибудь сказку? Вроде рано – день на дворе... – он явно хотел съязвить, но вышло это у него как-то вяло.

– Сказки – это не наш профиль, – любезно ответила я. – Мы привыкли оперировать фактами.

– Непроверенными фактами, я бы сказал! – заметил Григорович.

– Кажется, Арнольд Львович, вы опять провоцируете меня на дискуссию, – сказала я. – У меня, впрочем, нет возражений, но вот вы после бани, и вас запросто может прохватить сквозняком.

– Спасибо за заботу, – иронически наклонил голову адвокат. – Ничего не остается, как предложить вам заходить в гости. Правда, это становится похожим на сказку про белого бычка...

– Что-то вас сегодня на сказки потянуло, Арнольд Львович? – спросила я, переступая порог. – Мне бы хотелось вернуть вас к суровой реальности.

– А мне показалось, что вам больше по душе театр абсурда, – проворчал Григорович.

Он, как и в прошлый раз, проводил меня в гостиную, а сам, извинившись, вышел. Впрочем, он быстро вернулся с цветастым полотенцем в руках, которым принялся энергично вытирать лицо и лысину.

– Вы застали меня врасплох, – заявил он, не прерывая своего занятия. – Хорошо еще, я успел одеться... Вообще-то я жду друга и думал, что это он пришел. Но раз уж это вы, я должен поинтересоваться, что вы будете пить: чай, кофе, чего-нибудь освежающего?

– Нет, спасибо, – сказала я. – Не будем отвлекаться. Тем более вы кого-то ждете, а мне не хотелось бы у вас засиживаться.

– А что вас опять привело ко мне? – с любопытством спросил Григорович. – Мне кажется, мы с вами исчерпали все возможности, которые представились нам во время первой встречи.

– У меня другое мнение на этот счет, – не согласилась я. – Просто в прошлый раз вы поддались отрицательным эмоциям.

– Да уж, отрицательных эмоций было хоть отбавляй! – с выражением произнес адвокат. – Со мной давно никто так по-хамски не разговаривал, как эта ваша протеже.

– Помилуйте, Арнольд Львович! – удивилась я. – О чем вы говорите? Протеже! Это слово здесь абсолютно неуместно!

– Но меня ни на минуту не покидало ощущение, что эта особа действует по вашей указке, – признался Григорович. – Я чувствовал себя героем какого-то дешевого фарса! И, между прочим, от души сочувствовал тому несчастному, который наехал на эту дуру... Я даже подумывал, не взяться ли мне за его защиту!

– И все-таки решили не браться? – встала я.

– Да! Пришлось отказаться от этой мысли, – сказал адвокат. – Я слишком заинтересованное лицо... Но это, конечно, шутка. Просто я уже дал зарок – в процессах я категорически не участвую.

– Так вот, Арнольд Львович! – сказала я, когда он умолк. – Мысль о том, что сцена в больнице мной подстроена, могла прийти вам в голову только в минуту крайнего раздражения. Разумеется, я не имею к этой женщине никакого отношения. А вот вы, напротив, имеете! Поэтому я еще раз призываю – попытайтесь вспомнить, может быть, вы все-таки где-нибудь ее видели раньше?

– Да не видел я эту, извините за выражение, рожу никогда раньше! – уныло проговорил Григорович. – За свою жизнь я перевидел много людей, но такой противной бабы мне, кажется, еще не попадалось!

– Не торопитесь, – сказала я. – Лицо Самойловой здорово изменилось после аварии. Попытайтесь абстрагироваться от тех синяков и ссадин, которые его сейчас украшают, – может быть, тогда что-то вспомните?

– Ничего себе! – заметил Григорович. – Да я ее себе теперь иначе и не представляю. Сейчас, я бы сказал, у этой женщины наблюдается полная гармония между внешностью и внутренним миром... Но если серьезно, то вы правы: болезнь и казенная одежда меняют людей неузнаваемо. Вот если ознакомиться хотя бы с фотографией...

– А вы не догадались заглянуть в ее паспорт, когда осматривали сумочку? – спросила я.

– Ну что вы! – с упреком сказал Григорович. – Я и без того чувствовал себя достаточно неловко.

– А вы не могли по этой причине не заметить записку с адресом? – на всякий случай спросила я.

Адвокат энергично помотал головой.

– Ну уж нет! – заявил он. – В этом отношении я был очень внимателен. Никакой записки в сумочке не было. Это я могу вам гарантировать. У меня прекрасная память – я и сейчас могу подробно перечислить, что там было: паспорт, кошелек с небольшой суммой денег, платок, помада, расческа, зеркальце...

– Ключи от квартиры, – машинально встала я.

Адвокат озадаченно умолк и посмотрел на меня с некоторым недоумением.

– Да нет, ключей-то как раз там не было, – возразил он. – Это точно. Трубочка с валидолом была, парочка мятных конфет...

– Ключи тоже были, – сказала я. – Вы просто их не заметили. В боковом кармашке. Там же, кстати, где лежала записка. Может быть, вы вообще туда не заглянули?

– Да что вы такое говорите! – Арнольд Львович начал уже горячиться. – Вы меня дураком считаете, что ли? Повторяю: я помню каждую мелочь! Ни записки, ни ключей там не было!

– Постойте, – с тревогой воскликнула я, осененная внезапной догадкой. – Вы твердо в этом уверены?

– Могу поклясться на Библии, если для вас это так важно! – сердито сказал Григорович.

– Тогда это меняет дело, – пробормотала я. – Вы преподнесли мне своего рода сюрприз, Арнольд Львович! Возможно, ваша наблюдательность еще сослужит нам хорошую службу. Вы знаете, я теперь, пожалуй, пойду – нужно проверить одну мысль. Но, если вы не против, на днях я опять к вам загляну и постараюсь раздобыть для вас фотографию Самойловой.

Григорович посмотрел на меня с легким испугом и нерешительно пробормотал:

– Ну что ж, заходите. Не смею возражать.

– Тогда до свидания! – сказала я и поспешно покинула его квартиру.

Боюсь, что по пути в редакцию я несколько раз позволила себе нарушить правила движения: так не терпелось мне поделиться сногшибательной новостью с коллегами. И, едва переступив порог, я выпалила:

– А вы знаете, что кто-то забрал у гражданки Самойловой ключи от квартиры?

Разумеется, никто этого не знал. Все молча уставились на меня и несколько минут переваривали это сообщение. А потом Кряжимский осторожно спросил:

– И что же это означает?

– Не знаю, что это означает, – сказала я. – Но, по-моему, что-то очень интересное. Давайте подумаем, кому могли понадобиться ключи от чужой квартиры? Ведь, кажется, друзей и близких у Татьяны Михайловны не имеется?

– Это еще не факт, – остудил мой пыл Виктор.

– Она могла положить ключи под подушку, – добавил Кряжимский. – Для большей надежности.

– А с чего ты вообще это взяла? – скептически заметила Маринка. – У тебя было озарение?

И только юный Ромка озвучил мою тайную мысль.

– Ключи забрал тот, кто взял записку! – голосом Шерлока Холмса произнес он. – Это элементарно!

– Вот и я думаю то же самое! – заключила я. – А отсутствие ключей обнаружил адвокат Григорович, когда искал записку. Он утверждает, что ошибиться не мог: у него профессиональная память.

– Допустим, – сказал Кряжимский. – Но это еще ни о чем не говорит. Как я уже упоминал, Самойлова просто могла переложить ключи в другое место – под подушку, повесить себе на шею наконец. Человек она, судя по всему, недоверчивый, а тут постоянное присутствие посторонних – медсестры, нянечки, адвокаты... Вот она и спрятала ключи от греха подальше.

Возможен и другой вариант. Виктор верно заметил – мы предполагаем, что Самойлова абсолютно одинока. Но откуда у нас такая уверенность? Вполне возможно, есть кто-то, кому она полностью доверяет и кому может поручить наблюдать за квартирой, пока находится в больнице.

– Я бы тоже так поступила, если бы зависла в больнице на несколько месяцев, – заметила Маринка. – Мало ли что! Вдруг у нее дома хомячки?

– Скорее уж крокодил! – сердито сказал Ромка. – А по-моему, все совершенно ясно: преступник побывал у Самойловой, получил адрес, ограбил квартиру и теперь преспокойно отсиживается дома у своей сообщницы.

– Ну, насчет того, что преспокойно – это ты хватил! – возразил Кряжимский. – Появление чужого сразу бросилось бы в глаза соседям.

– А он скажет соседям, что племянник, – и все, – не сдавался Ромка. – Да чего проще – пойти и проверить?

– Что ж, такой вариант тоже может иметь место, – согласился Кряжимский. – Но в таком случае проверять нужно очень осторожно. Если в квартире Самойловой прячется преступник, при малейшем подозрении он оттуда уйдет.

– Для начала можно просто спросить соседей, – солидно сказал Ромка. – Представиться разносчиком телеграмм и спросить. Мол, проживает ли кто в квартире номер пятнадцать...

– Ну что ж, тогда ты этим и займись, – ободрила я Ромку. – Только уж действуй так, чтобы ни у кого не вызвать подозрений! Не лезь на рожон!

– Нашего Ромочку никто не заподозрит, – невинно заметила Маринка. – Он на сыщика ни капельки не похож!

Худшего оскорбления для нашего курьера не существовало. Он бросил на Маринку взгляд, полный бессильного негодования, хотел что-то сказать, но передумал и только отвернулся. Вероятно, он боялся, что у него от волнения сорвется голос.

Уставившись на Маринку, я сделала страшные глаза и незаметно показала ей кулак. Она в ответ изобразила на лице полное простодушие, но не смогла удержаться от самодовольной улыбки – все-таки современная молодежь слишком долго выходит из детства. И самое при-
скорбное, что теперь это относится и к женщинам.

– Так я могу приступить, Ольга Юрьевна? – хмуро спросил Ромка, справившись наконец с волнением.

– Да, разумеется, – сказала я. – Надеюсь, все у тебя получится.

Мне и самой не терпелось смотаться по адресу Татьяны Михайловны, но я понимала, что у Ромки это получится лучше. Все-таки что ни говори, а он действительно менее всего походил на сыщика.

Едва Ромка ушел, зазвонил телефон. Трубку сняла Маринка и после недолгих переговоров протянула ее мне.

– Твой долгожданный доктор звонит, – многозначительно произнесла она и не утерпела, чтобы не спросить: – А он интересный мужчина, правда?

– Кому как, – ответила я. – Между нами чисто деловые отношения.

Голос Александра Михайловича в трубке звучал, как всегда, бодро и весело:

– Ольга Юрьевна, приветствую! Рад вас слышать! А у нас для вас хорошие новости. Можете сейчас к нам подъехать. Как раз дежурит медсестричка, которая может ответить на ваши вопросы.

– Отлично! – обрадовалась я. – Немедленно выезжаю!

– Так я жду! – жизнерадостно сообщил доктор. – До встречи!

Положив трубку, я задумчиво посмотрела на Виктора.

– Есть одна мыслишка, – сказала я. – Хорошо бы умудриться переснять фотографию Самойловой с ее паспорта. Только желательно сделать это так, чтобы она ничего не заметила. Возьмешься за это дело?

Виктор пожал плечами.

– Нет проблем, – ответил он. – Наверное, она спит иногда?

– Да уж, думаю, не без этого, – согласилась я. – Жаль только, мы не в курсе, какой у нее распорядок дня. Но ведь можно подождать, верно?

– Ждать и догонять – это по-нашему, – изрек Виктор. – Я возьму аппарат.

Глава 7

Александр Михайлович встретил нас как добрых знакомых, хотя я заметила, что появление вместе со мной Виктора слегка его разочаровало. Однако доктор был по-прежнему улыбка и словоохотлив.

– Добро пожаловать! – провозгласил он. – Очень рад вас видеть! Сегодня вы вдвоем?

– Мой коллега Виктор, – сказала я. – Он фотограф.

– Очень приятно, – сказал Александр Михайлович, протягивая Виктору руку. – Меня зовут Александр. А вы, я вижу, во всеоружии? Кого собираетесь снимать?

– Я сейчас все вам объясню, – ответила я. – Хорошо бы только где-нибудь присесть, чтобы можно было спокойно поговорить.

Александр Михайлович понимающе кивнул.

– Айн момент! – сказал он. – Пойдемте ко мне в ординаторскую. Там нам никто не мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.